

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ФРОНТИР

ПЕРО И ВИНТОВКА

Константин Георгиевич Калбазов

Фронтир. Перо и винтовка

Серия «Фронтир», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6317479

Фронтир. Перо и винтовка: Фантастический рома: Альфа-книга;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9922-1609-7

Аннотация

Если друг оказался вдруг... А если не оказался? Если это ты фактически его бросил? Нашел себе тихий уголок, где вполне счастлив, и купаешься в лучах славы. Ты влюблен и вроде как любим. Ты принят при дворе и твоими книгами зачитывается весь просвещенный мир. Готов ли ты отказаться от всего этого, чтобы исправить некогда совершенную ошибку? Сменить перо на винтовку и поставить на кон собственную жизнь? Если ты друг, а не вдруг, то выбора у тебя попросту нет, есть только долг.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Константин Калбазов

Фронтир. Перо и винтовка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Штрафник

Не такой уж и сильный, но отличающийся постоянством ветер упруго бьет в лицо, принося свежесть. Хм... Вообще-то пока не так чтобы и тепло, только середина весны, ледоход закончился совсем недавно, и повсюду самая настоящая распутица. Но все познается в сравнении. Например, в утробе баржи, откуда он сейчас поднялся, страшная духота. Запахи, доносящиеся из степи, куда более приятны, чем те, что витают над посудиной. А уж если сравнивать с ароматами в самом трюме... Однозначно обрадуешься ветерку, даже если он заставляет слегка поежиться.

Направление ветра не прямо в лицо, а слегка сбоку, поэтому он относит в сторону дым от пароходика, тянущего баржу. Но вот ветер поменялся, и черный шлейф накрыл палубу, забрался в ноздри и заставил чихнуть. Ну а чего, собственно, ожидать, это же не океанский лайнер, высоко несущий свои трубы, у этого одна-единственная и та едва возвышается над рубкой. Спуститься вниз? Ну уж нет. Лучше дым и запах конюшни, чем неистребимое амбре казармы. Господи, иной же мир, ну почему все так похоже? И ведь нет никакой разницы – на суше или на воде казарма, она и есть казарма.

Пока были на формировании в форте, Сергею удалось избежать общего жития, поселившись отдельно в палатке, правда, ненадолго, примерно через две недели его «уплотнили», подселив еще восемь человек, с которыми предстояло служить Сергею и Анушу. Подразделение пополнялось по критериям, ведомым только сержанту Грибски. Интересно, чем он руководствовался, когда в последний момент определил в этот десяток небезызвестного Хвата? Ладно Ануша, об этом Сергей сразу просил. Но этого блатного?

В первый день, по прибытии в казарму черных шевронов, именно Хват выступил в качестве заводилы от лица каторжан, собиравшихся поймать новичков. Не образумься тогда кодла блатных, и наверняка Варакина уже доедали бы черви, потому как спускать он никому не собирался и был готов пойти до конца. Они все приговорены к смерти, и им предоставили шанс выжить, отслужив двухлетний срок на пинкской территории. Так что долго с ним никто не разбирался бы, быстренько определив на виселицу, в назидание другим. Вот такая ситуация. Даже если бы он сумел порешить всех блатных, ему от этого легче не было бы. Глупость, конечно, и, кстати, из-за такой же он здесь и оказался, но и помыкать собой он никому не позволит.

В степи есть шанс выжить, в казарме после убийства – нет. Поэтому блатные предпочли не связываться с больным на всю голову Варакиным. А уж когда узнали, что он за фрукт, так и вовсе забыли о его существовании. Человек, перебив-

ший банду Агилара Валийца и порешивший во время дознания полицейского, – это понимать надо.

Ветерок опять поменялся, и дым отнесло левее. Если так просидеть целый день, то вполне даже можно стать чумазым как черт. Не, в трюм хочется еще меньше. А раз так, то не отвлекаемся и продолжаем шить.

– А, зар-раза!

– Ануш, у тебя наперсток для чего? – поглядев на паренька, недовольно поинтересовался Сергей.

– А я им разве не пользуюсь? Да только соскальзывает. И как это у тебя получается?

– Э-э, ты мне это прекращай. Я за тебя шить не стану. Так что учись, наука не такая уж и сложная.

– То наука для бабы, мужику оно вроде как и ни к чему.

– А ты представь себе, что справу какую тачаешь, вот сразу и полегчает. Хм... Тем более что так оно и есть.

Сказав это, Варакин ловко вогнал в парусину большую иглу и, протащив нитку, положил очередной ровный стежок. Бартова, глядя на это, только завистливо вздохнул. Однако если просто сидеть, то дело само не сдвинется с мертвой точки, поэтому он также взялся за иглу. Парень куда охотнее предался бы праздности и повалялся в свое удовольствие, но старший товарищ думал иначе и озадачил его по полной.

В настоящий момент отделение Сергея занималось изготовлением средства защиты под незамысловатым названием «бронезилет». Как ни странно, мысль об этом ему пришла

совершенно случайно, а натолкнул на нее интендант, когда Сергей и Грибски устроили «налет» на склад.

В выдвижном ящике стола интенданта Варакин заметил искореженную флягу. Вопрос по поводу нее как-то сам собой сорвался с губ. К тому моменту неожиданные покупатели успели принести сержанту изрядную прибыль, поэтому он снизошел до объяснений. Как видно, все то имущество, что он сейчас удачно реализовал, по книгам учета уже не числилось. Именно этим объяснил себе его благожелательность Сергей.

Словом, эта армейская медная фляжка хранилась в памяти о том, как однажды смерть обошла стороной ее хозяйна. Захотелось сержанту как-то раз напиться, вот он и потянулся к фляге. Пуля прошила одну стенку, погнула вторую, припечатала той флягой сержанта в грудь, посадила там здоровенный синяк и застряла внутри посуды. Она, кстати, и сейчас находилась там.

Благодаря этой истории Сергей и задумался насчет бронжилета. Через пару дней в форт явился токарь с готовым глушителем, заказанным сразу по прибытии в Крумл. Варакин поспешил заказать ему несколько пластин из самой лучшей стали и разной толщины. Тот пообещал, что обязательно выполнит заказ, тем более ему все одно нужно было возвращаться к заказчику – Сергей не собирался платить за работу, если она окажется халтурой, на проверку же требовалось время.

Многим окружающим этот парень лет двадцати пяти казался странным. И идеи он порой озвучивал очень необычные. Вот, например, этот глушитель. А одного взгляда на его карабин со зрительной трубкой, что сейчас хранится в арсенале, достаточно, чтобы вызвать любопытство. Но куда больше удивления вызвал бы откровенный ответ Сергея на вопрос, откуда он взялся на Глобусе.

Глобус – это название планеты, куда занесло Сергея по воле случая и уж точно помимо его собственной. Вернее, если быть более точным, то она называлась Аглаулибарты, это на каком-то местном древнем и уже мертвом языке. Ну любят ученые заумные названия, назовут так, что не выговоришь, вот и это самое Аг... если короче, то так называется макет планеты, по более привычной ассоциации для Варакина – глобус.

Примерно год назад к Сергею, жителю глухой сибирской деревушки и по совместительству охотнику-промысловнику, обратился залетный столичный ученый Болотин. Потом-то выяснилось, что он не ученый, а простой энтузиаст, да еще недоучка. Так вот, он убедил Варакина отправиться с ним в путешествие в глухой уголок тайги, где якобы раз в сто лет открывается портал в иной мир. Ученая-то степень была надуманной, а вот деньги платились реальные, ну и отчего не проводить чудика.

Да-а. Закончилось это несколько иначе, чем представлялось. Проход в иной мир открылся, и они смогли в него про-

никнуть, просто шагнув за грань, а вот потом он закрылся. Доморощенный ученый ошибся в расчетах даты открытия и закрытия этого самого портала.

Иного выхода, кроме как устраивать свою жизнь в новых условиях, у них не было. Болотин оказался вполне нормальным компаньоном. К тому же у них были все шансы прожить приличную жизнь, не уподобляясь Робинзону Крузо. Здесь обитали такие же люди. В настоящее время уровень развития их цивилизации соответствовал второй половине девятнадцатого века на Земле.

Вначале все складывалось довольно удачно, но обернулось большой бедой впоследствии. В результате ряда событий Сергей оказался приговоренным к службе в подразделении черных шевронов – местных штрафников. Алексей, насколько было известно Варакину, погиб. Нет, Сергей вовсе не сомневался в смерти своего товарища по несчастью, с которым успел по-настоящему подружиться. Просто сам он его тела не видел, так как в этот момент был за решеткой.

Подразделение, куда попал Варакин, отправляли на пинкскую территорию, да еще и населенную враждебным племенем. Пинки – это местные индейцы. (Происходящее вокруг вообще сильно напоминало жизнь на Диком Западе, каковую Сергей наблюдал в фильмах или на страницах книг. Хм... А ведь еще и материка в чем-то очень даже похожи, и тут по всему получается Северная Америка.) Так вот, племя арачей вовсе не будет обрadowано появлением на реках Изера и

Мрава валийских и рустинских застав, а потому постарается всячески их известить. Чтобы выжить в сложившейся ситуации, Сергей был вынужден мобилизовать свою память, опыт прошлой жизни и кое-что предпринять...

Одним из первых шагов Варакина была закупка снаряжения, которое штрафникам, или черным шевронам, выдается весьма скудно и далеко не приличного качества. Помимо обычной амуниции и вооружения он решил использовать и то, о чем тут пока не знали, в частности глушитель. Изделие Сергей испытал в этот же вечер, когда сумел попасть на стрельбище. При помощи выколоток, которые также изготовил токарь, он очень быстро набил из кожи манжеты, поместил их в трубу глушителя, переложив шайбами. Получилось пространство, разделенное на множество секций.

Ничего так вышло. Прямо сказать, хорошо. Звук не сильнее среднего хлопка в ладоши, который с расстояния в полсотни метров не услышишь, если специально не вслушиваться. А вот с сотни – полная тишь и благодать. Если же стрелять по скачущим, когда топот лошадей забивает все, или по большой группе, не способной к полностью бесшумному передвижению по определению, то атакуемые ничего не услышат, даже если бить в упор. Отлично получилось, чего уж там.

Правда, под это дело карабин нужно будет по новой пристреливать. На баллистику приспособление оказало вовсе не благотворное влияние. Прицельная дальность сократилась

на четверть. Но нельзя получить все и сразу. Была у него мысль использовать глушитель для «мосинки», там дальность была бы куда больше. Но от этой мысли он отказался, едва вспомнил о том, что скорость пули земного карабина превышает скорость звука более чем в два раза. Не помог бы тут глушитель. А вот «дятлич» с его дозвуковыми патронами под это дело вполне подходил.

На следующий день Сергей честь по чести расплатился с токарем и заказал ему еще одно такое же изделие. Заодно он принял от него несколько пластин и вечером их опробовал, расстреляв с расстояния в сотню метров из самого мощного стрелкового оружия в армии Рустинии – пехотной винтовки Балича. В ходе испытаний была определена наиболее подходящая толщина. На следующий день старику поступил заказ на изготовление четырех пластин, для двух бронежилетов.

Грибски согласился, что штука довольно полезная, но таскать на себе эту тяжесть наотрез отказался. Тем более что кроме этого она сама по себе стесняла движения. Уверения, что он быстро привыкнет, его не переубедили. И наконец, самое главное, он считал это издевательством над формой.

Ни о чем подобном в армейских подразделениях не могло быть и речи, даже в отдаленных гарнизонах. Чего не скажешь о черных шевронах. Их-то и за солдат по большому счету не считали. Так, сброд, и не более. Именно поэтому сержант посмотрел на подобную вольность сквозь пальцы.

Все это показалось Сергею странным, так как в осталь-

ном дядька проявлял просто верх прагматизма. Так, он благосклонно воспринял желание Сергея закупить у интенданта целую сотню буровых шашек взрывчатки, которая так и называлась – бур.

Вообще, название взрывчатке было дано по предыстории ее появления. Дело в том, что изначально и в армии, и у гражданских использовался пал, весьма капризная взрывчатка, которая могла детонировать от малейшей небрежности в обращении. Но если солдату можно было просто приказать, то гражданские откровенно боялись иметь дело с такой опасной штукой. Очень скоро согласных рисковать жизнью ради заработка оказалось очень мало и их услуги стали обходиться весьма дорого. В связи с этим использование взрывчатки в добывающей отрасли или при выполнении горных работ превратилось в недешевое удовольствие, хотя и необходимое.

Именно это и финансирование со стороны горнозаводчиков, а не нужды военных побудили ученых к поиску более безопасной взрывчатки. На поверку она оказалась не дороже пала, да еще и превосходила его по разрушительной силе.

Первое применение новая взрывчатка нашла именно в гражданской отрасли, и производилась она в форме и габаритах буровых шашек, отсюда и «бур». Только когда новая взрывчатка показала себя с наилучшей стороны в гражданской отрасли и там же прошла всесторонние практические испытания, военные обратили на нее свое внимание. В сроч-

ном порядке началось перепрофилирование производства, а арсеналы стали пополняться буром.

В последнюю войну весьма щедро использовался именно пал. Его стратегические запасы истощались в первую очередь. Однако полностью избавиться от этой нестабильной взрывчатки не удалось, кое-что хранилось на складах и по сей день. Взять и просто уничтожить ее никому в голову не приходило.

Помимо взрывчатки Сергей закупил еще и кое-какой слесарный инструмент, разумеется, все через того же токаря. Кроме того, его же он попросил нарезать на равные куски толстостенные трубы и нанести насечки. Из этих отрезков Сергей собирался сделать оборонительные гранаты.

В качестве наступательных предполагались гранаты с корпусами, гнутыми из жести. Поначалу была мысль использовать консервные банки, благо металл тут потолще, чем на Земле, но, как оказалось, все же не настолько, чтобы удовлетворить запросы. А вот кровельное железо вполне отвечало требованиям Сергея. Довольно толстое, достаточно пластичное, и в то же время разлет осколков не так чтобы и велик, метров двадцать.

Кстати, идея с гранатами пришлась по вкусу сержанту Грибски, и он сумел выбить буровые шашки еще в количестве сотни штук. Разумеется, в комплекте с запальными шнурами и капсюлями. С железом проблем не было, в дело годилось любое старье и хлам.

С запалами был полный швах, и пришлось ограничиться простым запальным шнуром. Нет, если пораскинуть мозгами и вложиться не так чтобы и дорого, то можно придумать нечто удобоваримое. Но ни времени, ни тем более лишних средств у Сергея не было. Ничего, так тоже должно получиться вполне приемлемо. Тут не до жиру.

С другой стороны, грех жаловаться. Несмотря на характер подразделения, им разрешили дополнять свою экипировку, что в представлении Сергея вовсе ни в какие ворота. Впрочем, ему вообще было трудно представить регулярную армию, где служат со своим оружием, самостоятельно обеспечивая себя боеприпасами, пусть и по льготной цене.

Вот и сейчас они занимаются изготовлением амуниции. Впрочем, как раз этот дивайс носить и не разрешили бы. Не по уставу. Опять же не входит в перечень разрешенного замещения. Как не входит и портупея, изготовленная шорником по специальному заказу. Ох уж эта экипировка. От огромной суммы в триста крон не осталось и следа. Все до последнего гнедка было потрачено на закупку того, что могло понадобиться в суровых условиях враждебной степи.

Разумеется, тратил Варакин не только на себя, но и на своего спутника, молодого паренька Ануша. Выжить в одиночку нечего и мечтать, так уж получилось, что друзей у Сергея нет. Паренек же неплохо экипирован, отлично стреляет, не трусливого десятка, а главное – молод, и бросить товарища для него хуже смерти. Именно такой и не помешает,

чтобы прикрывать спину. Ну и Сергей в свою очередь всегда прикроет его. Он и отцу паренька пообещал, и надежнее так. Никогда не жди от людей того, чего не можешь дать сам. Хочешь верности и честности – будь готов платить той же монетой. Врага страшнее того, кто увидит в тебе предателя, быть не может.

– А, гадство! Что за хрень?! Я вор, а не белошвейка!

Это уже с другой стороны, и совершенно иной персонаж. Хват. Прозвище это прилипло к нему еще в детстве. Он был родом из приличной семьи и по всему должен был вырасти степенным хуторянином. Должен...

Должен, да не срослось. Пинки сожгли хутор его родителей, убили всех мужчин и мать, а двух сестер увели в плен. Он, тогда двенадцатилетний мальчишка, сумел спрятаться и пробраться к заставе. Его определили в приют, но нравы там оказались далеки от благостных, и мальчишка сбежал. Потом беспризорщина.

Поначалу, когда не обладал никаким опытом, в момент острого голода он шел на отчаянный шаг – врывался в харчевню, хватал с какого-нибудь стола съестное и убегал. Пару раз его ловили и били, но в основном все обходилось.

Вот тогда-то его и прозвали Хватом. Складывалось такое впечатление, что парень напрочь позабыл свое настоящее имя. Он ведь и по всем бумагам проходил как Хват – ни имени, ни фамилии.

А малец-неумеха превратился в настоящего вора, от ко-

торого стонало не только пограничье, но и восточные поселения. Он не специализировался на чем-то одном, обворовывал и дома и лавки, имел даже опыт грабежей. Вот однажды и перестарался, слишком сильно приложил клиента дубинкой по голове.

Судили его по совокупности преступлений и от щедрот нарезали год каторги. В принципе такой срок при хорошем здоровье и должном упорстве можно было бы и выдержать. Но, как видно, парень решил, что ему будет проще в степи, хотя и придется служить два года против одного по приговору. Но это его не отпугнуло. Впрочем, чему тут удивляться, и там и там можно с успехом отдать концы, но в степи ты и чувствуешь себя получше, и от тебя зависит побольше.

– Насколько мне известно, здесь все убийцы и воров нет, – делая очередной стежок, возразил Сергей.

– Я убийца только по недоразумению. По пьянке не рассчитал силы и раскроил череп. А так я с мокрухой дел никогда не имел.

– Все беды от пьянки, – назидательно произнес Сергей. – И как? Думаешь, тот покойник твои оправдания примет?

– А мне плевать, примет или нет. Говорю то, что есть, – не хотел я его жизни лишать, только кошелька. А, дрянь! – вскрикнул он, уловившись в очередной раз. – Оно хотя бы того стоит, капрал?

– Ты ведь видел все сам, чего мне тебе объяснять.

– Ну да, впечатляет. Но если все так благостно, чего же от

доспехов отказались, когда ружья появились?

– Так ведь тогда не было такой стали, вот и отказались. А после стало дешевле заменить солдата, чем налаживать изготовление дорогой амуниции, – начал озвучивать свое видение Сергей, больше для того, чтобы скрасить время за шитьем. – Сам посуди, в прежние времена для того, чтобы подготовить стоящего бойца, нужно было затратить годы. Но вот появились мушкеты, и какой-то сопляк после всего-то пары десятков выстрелов, едва наловчившись стрелять, убивает того, в кого вложены долгие годы и уйма сил.

– Ну, хорошо обученный боец всяко-разно десятка стоит, – неуверенно возразил Хват.

– Стоит конечно же, и даже больше. Но ребяток с ружьями куда проще готовить, и доспех не может сопротивляться пуле, а стоит намного дороже мушкета. Вот и решили отказаться от изготовления этих доспехов.

– А нынешняя сталь, выходит, сможет защитить?

– Не всегда. Да что я тебе рассказываю, сам все видел.

– Видел, это да.

– Ну а раз так, то не ной, а думай, нужно оно тебе или нет.

– Все одно тяжелый получается твой бронежилет, капрал.

– Хватит ныть. К его весу ты привыкнешь, если будешь часто носить. И я не капрал.

– А я не убийца.

– Ладно, пусть будет капрал.

Вообще-то обеспечивать снаряжением Хвата в намере-

ния Сергея вовсе не входило. Хвост только из одного Ануша и без того основательно растряс мошну Варакина. Настолько, что он едва смог свести концы с концами. Но парня определили в его отделение, которое в рустинской армии состояло из трех человек, таким образом, десяток делился на три отделения, или, если хотите, звена. Десятком командовал младший сержант. Впрочем, здесь не заморачивались со званиями и, несмотря на наличие еще и старшего, всех именовали сержантами. Так вот, отделения всегда действовали вместе, поэтому Сергей посчитал, что экипировка у них должна быть соответствующей.

Когда Грибски сообщил Варакину радостную весть о пополнении, Сергей тут же поинтересовался у бывшего вора, есть ли у него деньги. Как оказалось, есть, и немало, целая сотня. Сергей не стал допытываться, откуда они у него, прекрасно понимая, что одним из источников дохода вполне мог оказаться в свое время и сам. А вот требование, чтобы парень потратился на снаряжение, выдвинул.

Как тому ни жаль было столь бездумно расставаться с «кровно» заработанными, все же он был вынужден пойти на это. Просто Сергей сделал ему предложение, от которого тот не смог отказаться. Он сначала объяснил, что раз уж должен доверять свою шкуру Хвату, то тому не мешало бы иметь соответствующее снаряжение. В случае отказа потратиться и выполнять приказы Варакин пообещал избавиться от ненадежного звена самым радикальным способом, в первом же

бою. Учитывая тот простой факт, что Хват оказался один против двоих, ему не светило избежать незавидной участи.

За оставшееся до отбытия время они успели посетить интенданта и приобрести там для парня «дятлич» и револьвер. Оба не первой свежести, из трофеев, но вполне рабочие. Там же пополнили запасы патронов и всего необходимого, чтобы крутить их самим. Для военнослужащих боеприпасы продавались по льготной цене, им они обходились еще дешевле. Сказывался длительный стаж службы знакомого сержанта Полена в качестве интенданта и, как следствие, наличие неучтенных излишков.

Пришлось парню раскошелиться и на глушитель, и на новую портупею весьма непривычного вида, и на сталь для бронежилета. А ведь собирался гульнуть напоследок, с выпивкой и бабами. Надежда выбраться из той ямы, в которую он угодил, конечно же была, но не так чтобы и большая. Стали бы заменять виселицу и каторгу на подобную службу, если бы там все было благостно? Взять границу – служба куда как опасная, а ведь ее охраняют вовсе не черные шевроны, а обычные части.

Вот и хотелось оттянуться от души, на случай если это последняя возможность. Не судьба. Этот странный тип, у которого в глазах порой появлялась сама смерть, заявил, что он лично намерен выжить. Но если кто не хочет его слушать, то Варакину проще от него избавиться, чем каждый раз оглядываться и ждать с той стороны беды. Избавиться же он мо-

жет только одним путем.

Варакин в очередной раз глянул на Хвата, пытаясь понять, чего можно ожидать от этого парня. То, что он успел повращаться в воровской среде, при этом не заняв высокого статуса, где-то даже пошло на пользу. Парень довольно легко смирился с главенством Варакина. Скорее всего, в его глазах просто произошла замена пахана. А что, Сергея очень даже можно считать авторитетным, как ни крути, а дюжина трупов за плечами, да еще среди них есть и полицейский.

Конечно, вопрос подчиненности немаловажен сам по себе, но оставался еще и такой момент, как профпригодность. Сергею хотелось бы, чтобы рядом с ним были как минимум стоящие стрелки.

Вот взять Ануша – стрелок на загляденье, никаких сомнений, в первом столкновении за ним нужно будет приглядывать всерьез. Зато потом, когда пообвыкнет, ни в коей мере не будет обузой, а даже наоборот. В ближнем бою тоже чего-то да стоит и ножом пользуется весьма умело. На них Сергей предпочел обменять выданные им плохонькие, где то заубренные, где-то источенные сабли.

А касаясь Хвата пока сплошные вопросы. Нет, драться-то он умеет и Анушу даст форы, но как он с оружием – непонятно. Прояснить этот вопрос и сводить его на стрельбище Сергей не успел. Поговорить с Грибски и устроить проверку прямо на барже? Как вариант годится, тем более оружие уже выдали на руки. Служба уже началась, сейчас они пока на

рустинской территории, но уже завтра потянутся дикие земли. Однако взводный вряд ли разрешит устраивать стрельбу, чтобы не раздражать взвод охраны, еще, чего доброго, до беды дойдет.

Нет, парни охраняют вовсе не черных шевронов. Еще чего не хватало, пробовать качать права висельникам, которым, считай, сам лукавый не брат. Они конечно же решили искупить свою вину и получить прощение, вот только ради этого им пришлось поставить в заклад свои жизни. Достаточно высокая ставка, чтобы послать любого, кто захочет диктовать им свою волю.

Взвод солдат должен сопроводить пароходик и баржу обратно, чтобы они не стали добычей пинков, пожелай те поживиться. Что с того, что они будут возвращаться порожними. Пинки для себя здесь найдут мало интересного, посудина погибнет, а вот она-то сама по себе для рустинцев представляет ценность. Наличие же взвода солдат охладит любую ватагу. Это не застава, которая на земле, где можно применить множество уловок, на воде все куда сложнее.

Раз уж принято решение выставлять заставы по реке, то глупо было бы отправлять гарнизоны по суше, да еще и в распутицу. Тем более одновременно можно доставить и лес для строительства, в тех краях с этим материалом проблемы. Маленький речной пароходик вполне способен тянуть и баржу, и плот с бревнами. Двигаться нужно вниз по течению, так что тут трудностей никаких. Оно можно и вовсе сплавиться,

но речной труженик снимает множество головных болей, и скорость больше, и маневрировать проще.

Доверь сплав черным шевронам, так они раз за разом будут утыкаться в берег или найдут мель даже там, где ее нет. А заставы нужны уже сейчас. Едва прошел ледоход, как купцы засобирались в путь. Пока не тронулись, решили выждать еще недельку, а там появятся заставы, все безопаснее. Вот и еще одна задача для взвода регулярной армии – присмотреть, чтобы шевроны не халявничали.

– Все шьете, белошвейки? – с нескрываемым недоумением подошел к ним их десятник Крайчек.

– Смейся, смейся, сержант. Вот припечет, попомнишь свои насмешки.

– А ты не каркай, так и не припечет. Лучше объясни, какого ты сменял сабли на ножи?

– Переживаешь за казенное имущество?

– Понять хочу. А еще прикинуть, что будет делать десяток, случись нам накоротке сойтись с пинками. Ну чего смотришь? Думаешь, такое случается так уж редко? В большинстве случаев, когда пинки превосходят по численности, они предпочитают рукопашную.

– Странно. Мне казалось, что наоборот.

– «Наоборот» редкость. С одной стороны, они стреляют хуже, с другой – патроны довольно дорогие. Ну и чем вы будете драться? Ножичками? – все же вернулся сержант к насущному.

Оно можно указать на несвоевременность замечания, но причина такого запоздания понятна. Все оружие находилось в оружейной, и до самого момента погрузки десятник попросту не знал о манипуляциях, предпринятых Сергеем.

– Ты серьезно?

– Конечно. Драгун с саблей способен противостоять пинку, вооруженному даже легким копьем.

– Да я не о том. Ты действительно полагаешь, что сабли смогли бы помочь *нам*?

– Хм... Ну да, это я что-то не подумал.

Ничего удивительного в ошибке сержанта не было. Он сам был из драгун, как и большинство отобранных им в десяток. Надо заметить, что драгуны вообще были достаточно широко представлены в новосветской рустинской армии. Причиной тому большие расстояния и необходимость маневренных и подвижных частей. Пока территория Новой Рустинии простиралась в лесистой части, вопрос этот не стоял столь уж остро. Но как только замаячили открытые степные просторы, основу частей в этом регионе стали составлять именно драгуны, способные решать задачи двойного направления.

Поэтому-то драгуны или когда-то имевшие отношение к этим частям лица составляли добрую половину их взвода, шестнадцать человек. Еще восемь было из пехотных частей, и только семеро из гражданских. Такой большой процент военнослужащих вовсе не был типичным для остальных трех взводов шевронов, которые должны были выдвинуться по-

сле возвращения транспорта и его охраны.

– Игнас, как бы нам решить вопрос с тем, чтобы немного пострелять? – раз уж у них с десятником наметилась конструктивная беседа, решил сделать пробный заброс Сергей.

– А ты на стрельбище не настрелялся?

– По-хорошему – нет. Но я это не для себя. Нужно глянуть, чего стоит Хват. Мало ли, окажется, что он с пяти шагов в доску не попадет.

– Это кто не попадет?! – не удержавшись, возмутился раскритикованный блатной. – Если хочешь знать, я из «дятлича» со ста шагов у бутылки горлышко отбиваю. Из револьвера – с двадцати, бутылки быю от пояса, причем каждый раз выхватываю из кобуры. Тоже мне великий стрелок выискался, – недовольно бурча, закончил свою тираду парень.

Допустим, из «дятлича» Сергей управится ничуть не хуже, а вот из револьвера... Он, конечно, вполне прилично стрелял, но вот так, выхватив ствол из кобуры, от бедра... Оно можно принять такую стрельбу и как понты корявые, но может так случиться, что эти понты спасут жизнь. Ситуации, они разные бывают. Если Хват не врет, тогда, получается, Грибски свел в одно отделение всех самых лучших стрелков формируемого им под себя взвода. Странно. Нет, то, что во взвод, очень даже понятно, но в одно отделение... Интересно, это он так проникся уважением к Сергею или еще какие думки имеет?

– Вот и поверь ему на слово, – подвел итог беседе Край-

чек. – Вряд ли капитан разрешит палить, пока плывем.

– А нам обязательно его слушать? Не в регулярной же армии, можем и послать куда далеко и чаще.

– Оно конечно, ему не позавидуешь, такой вольницей командовать не одно и то же, что ротой солдат, но с другой стороны... Не выжить нам, если порядку не будет и каждый станет делать что захочется. Все сержанты на том сошлись, и каждого, кто захочет это порушить, к ногтю прижмем. Так что, если капитан скажет нет, так тому и быть.

– Что же, разумно.

– Да не журитесь. Если что дурное удумает, так мы ему укорот дадим, мириться не станем. А в таких мелочах...

– Так, может, все же узнаешь? Вдруг разрешит.

– Ладно, спрошу.

Идея со стрельбами капитану пришла по вкусу. Он сам был отличным стрелком и, как следствие, не мог не согласиться оценить способности тех, от кого теперь зависела его жизнь. Ну да, он устроил стрельбище для всего взвода, расположив импровизированные щиты на огромном плоту, находящемся у них на прицепе.

Их взводный производил впечатление здравомыслящего человека и знающего военного. Как такой офицер мог оказаться в столь незавидном положении, оставалось лишь гадать. Однако ларчик просто открывался. Причина оказалась весьма банальной – дуэль. Отчего-то офицерское собрание решило, что он спровоцировал своего сослуживца на по-

единоком и, воспользовавшись своим преимуществом, убил его. Вообще-то странное решение. Наказывать столь жестко только за то, что он как стрелок оказался лучше... Наверняка там не все так просто, и было еще что-то.

Хват не был пустобрехом. Будучи на шаткой палубе, он отлично отстрелялся и из карабина, и из револьвера. Здесь о морской качке говорить, конечно, не приходится, но все же не твердая земля. Например, Ануш слегка уступил своим прежним позициям. Сергей заметил, как у Хвата немного испортилось настроение, когда его капрал отстрелялся на зависть всем остальным. Ну и чего попу морщить, с палубы стрелять куда как проще, чем с качающегося на ветру дерева.

Последующие два дня прошли однообразно, под непрекращающееся пыхтение парохода и плеск струящейся вдоль бортов воды. Их взвод должен был выставляться на самую дальнюю заставу, отсюда и длительность путешествия. Впрочем, оно должно было продлиться куда дольше. Мрава на пинкской территории была малоизвестной, опытные лоцманы, знающие этот участок реки, большая редкость. Поэтому торговые суда двигались только в дневное время, останавливаясь с наступлением темноты. Именно на это время и приходилось большинство нападений. Их же лоцман как раз принадлежал к той редкой когорте знатоков Мравы, и пароход шел не останавливаясь.

Однажды видели на берегу отряд пинков. Наверняка были и наблюдатели, оставшиеся незамеченными и тщательно

изучившие палубу парохода и баржи. Однако гарнизон, находящийся на борту, явно внушал им уважение, а потому они предпочитали не нарываться. Впрочем, оно и понятно, им нужна добыча, воевать же только ради войны – перспектива не из лучших и уж точно не привлечет пинков.

Высадка на берег у намеченного места также не была чем-то из ряда вон выходящим. Капитан посудины виртуозно, иначе и не скажешь, сначала приткнул к берегу плот. Затем сделал разворот и выше бревен подвел к песчаной косе баржу. Установили сходни, свели лошадей. Дружно, при помощи пехотного взвода разгрузили имущество, провиант и фураж. Прошло не больше часа, как со всем этим было покончено, и пароходик, натужно пыхтя и дав прощальный гудок, постепенно набирая скорость, двинулся вверх по течению.

– Внимание! – раздался голос их командира и теперь уже коменданта данного участка и заставы, которую, кстати, еще предстояло отстроить.

Он заговорил, когда машины отходящего пароходика все еще были слышны. Но шкипер с его посудиной и взводом солдат на барже были уже в прошлом, и комендант Ежек как бы подчеркивал это.

– Парни, мы на месте. Я хочу, чтобы вы уяснили: теперь мы можем рассчитывать только на себя. Никто нам не поможет и не выручит, если на нас насядут арачи. Получив весть о том, что застава Паюла перебита, сюда просто пришлют новых бойцов.

– Ясное дело, на убой прислали.

– А ну заткнись, тля! – рявкнул на говоруна сержант Грибски, и его вид не сулил ничего хорошего.

– На убой не на убой, но вам предоставили выбор, и вы его сделали, – едва заметно кивнув сержанту, произнес капитан.

А ничего так, битый и жизнью тертый мужик. Не чурается, хотя однозначно из дворян. Точно знает, что значит сержант для армии. Если и в остальном так же, то не пропадут. Лишь полный идиот может утверждать, что все зависит только от подготовки солдат. Грамотное командование и умение добиваться выполнения своих команд, организация службы зачастую значат даже больше, чем подготовка бойцов. Конечно, будет тяжело, но кое-кто все же из этой передраги выберется. В этом Сергей не сомневался.

– Если кто-то решит, что ему с нами не по пути и что у него больше шансов в одиночку, чем оставаться с гарнизоном заставы, он может уходить. Мы никого преследовать не станем, – продолжал между тем капитан.

– Но восточку о дезертирах ты отправишь. Так, капитан?

Нет, не из военных. Это кто-то из гражданских. Солдаты и сержанты смотрят, насупившись, из-под бровей, но помалкивают. Скорее всего, сказывается то простое обстоятельство, что взвод негласно разделился на две части – тех, кто попал сюда из армии, и явных преступников. Кстати, к отделению Сергея также предвзятое отношение, хотя, казалось бы, в одном десятке.

– Каждый боец для нашей заставы на вес золота, каждый лишний карабин, способный разить арачей, – лишний шанс выжить для любого из нас. Тот, кто решит сбежать, не предаст родину, не нарушит присягу и не преступит закон. Нам, здесь и сейчас, на это плевать. Но он предаст нас, уменьшит наш шанс на выживание. И отчего мы должны вспылать к нему нежными чувствами? Разумеется, я об этом сообщу, и охотники за головами начнут свою работу. С этим разобрались? Тогда дальше. С этой минуты оружие держать при себе постоянно, как и полный боекомплект. Даже нужду справлять ходить с оружием. За любое неповиновение и невыполнение приказа в боевой обстановке – расстрел. За тупой приказ, повлекший бессмысленные жертвы, – расстрел. За попытку устроить драку и уж тем более поножовщину – расстрел. За оставление товарища, в случае если есть возможность его спасти, – расстрел.

– Эдак всех перестреляешь, капитан.

– Ты опять...

– Спокойно, сержант, – охладил Грибски капитан Ежек и спокойно ответил: – Всех не перестреляем, только тупых ублюдков, которые не захотят понять – выжить здесь можно, лишь держась друг за друга и защищая друг друга. У вас сейчас нет роднее того, кто стоит рядом, даже если вы его ненавидите и считаете грязью.

Капитан внимательно осмотрел весь взвод, постаравшись с каждым встретиться взглядом и понять, какое действие

произвели его слова. Сергей также украдкой посмотрел на парней, и в первую очередь на Ануша и Хвата. Ануш смотрел на всех так, словно хотел сказать: парни, я не подведу, можете на меня положиться. А вот Хват больше посматривал на Варакина, оценивающе эдак смотрел и даже легонько хмыкнул, уж больно схожи были слова коменданта и капрала.

— С этим тоже закончили, — подытожил капитан. — Пошли дальше. Второй десяток, организовать доставку наверх всего имущества, боезапаса, провианта и фуража, установить палатки и защитить все надлежащим образом. Мы не растаем, а вот если вымокнут боеприпасы, останутся одни консервы, а у лошадей трава — будет кисло. И что-то мне подсказывает — дальше со снабжением будет только хуже. Так что беречь все, что имеем, пуще глаза. Третий десяток, закрепите как можно лучше плот, чтобы его не отнесло течением. Хотелось бы все же иметь крепкую ограду и хоть какие-то дома. За земляным валом и в палатках как-то неуютно. Первый десяток со мной. Посмотрим место, которое выбрали штабные для нашей заставы.

Берег реки, покрытый крупным песком, был достаточно крутым на всем протяжении. Когда они поднялись на урез, то их встретило первое отделение из десятка Сергея. Этих троих отправили, едва началась высадка. Идиотизм копошиться на берегу, не видя дальше собственного носа. Водная гладь и берега просматриваются неплохо, но вот саму степь

не видно. Глупо будет, если взвод подвергнется внезапному обстрелу с выгодной позиции. Их история закончится, так и не начавшись.

За подъемом обнаружилась практически равнинная местность, которая полого убегала вдаль, постепенно повышаясь. Видимость составляла никак не меньше пятнадцати верст на север, восток и северо-восток. В южном направлении та же картина, за гладью Мравы, ширина которой доходила до трехсот метров, простиралась голая степь.

На западе видна Изера. Серьезная река, ничего не скажешь. Волгу Сергею видеть не доводилось, но в том, что эта ничуть не уступит, отчего-то сомнений не было. Между берегами версты две. Может, он и ошибался, но если это и имело место, то скорее в меньшую сторону, чем в большую.

От них до места слияния рек было недалеко, едва ли верста. Берег хотя и крутой, но не такой уж и высокий. Так что видимость хорошая, по Мраве мертвых пространств не наблюдается. Единственно на Изере, если двигаться под левым берегом, можно остаться незамеченным. Но, как говорится, нельзя объять все и сразу. В конце концов, они не речная флотилия. Тут бы суше ума дать.

С виду степь ровная как стол, даже кустов нет. Но это только кажущаяся открытость. На самом деле при умелом подходе и знании местности здесь можно подкрасться незамеченным буквально вплотную. Казалось бы, насквозь просматриваемое пространство изобилует различными рытви-

нами, промоинами, руслами речек или ручьев, просто оврагами. Есть участки, поросшие бурьяном, способным скрыть всадника. Но все эти неровности и укрытия скрадываются расстоянием и сливаются в сплошной покров, создавая иллюзию полной открытости.

Вроде бы глазу не за что зацепиться, к тому же к виду бескрайней степи Сергей успел попривыкнуть. Однако он замер, не в силах оторвать взор от представшей величественной картины простора у слияния двух крупных рек. А еще... Весной степь просто неподражаема, с ее многообразным цветением и сочной зеленью разнотравья. Пройдет всего лишь пара месяцев, и пейзаж станет куда более унылым, но сейчас он представлял собой пестрое лоскутное одеяло, притягивающее взор.

– Что, дух захватило? – поинтересовался незаметно подошедший сержант Грибски.

– Кхм... – смутился Сергей. Неприятно, что застали врасплох, да и любованье красотами в их положении... – Ничего так, красиво.

– Сразу видно, что ты из лесного края. Ты, Сергей, не тушуйся. Я в степи уж сколько лет, а все одно каждую весну, как мальчонка, люблюсь этакой красотой. Но вот расслабился разок, и будет. Понял?

– Да куда уж понятнее. Слушай, Милош, а отчего заставу решили тут ставить? Не лучше на том клине, что у слияния рек?

– Нет. На слиянии такие водовороты и настолько дурное течение, что о нападении там не может быть и речи. Опять же суда проходят этот участок только в светлое время. Там ни плот, ни баржу к берегу не подтянуть. Опасное место. А наша задача в первую очередь не столько патрулирование, сколько обеспечить надежную ночную стоянку. Кстати, валийцы свой форт тоже будут ставить примерно в версте, а может, и дальше от слияния.

– Почему «может, и дальше»?

– Ближе нельзя. Политика. Эдак они окажутся как бы на Мраве, а ее должны контролировать рустинцы. Поэтому и мы в сторонке от Изеры. Опять же все будет зависеть от источника воды. Нужен либо колодец, либо, как вот у нас, бьющий из земли ключ. – Грибски указал на предмет разговора.

– А что так-то?

– Так ведь если использовать ручей, то пинки его легко потравят и возьмут нас голыми руками. Бывало уж такое. Грешно не учесть опыт, доставшийся кровью.

– Грешно, – согласился Сергей.

На этом их беседа закончилась, так как сержанта подозвал прекративший хождение по округе капитан. Десятник Крайчек был уже рядом с ним. Понятно. Сейчас капитан выслушает предложения сержантов по обустройству заставы и примет решение. Обычное в общем-то правило у не отличающихся дурью начальников. Мало ли, вдруг у лица подчиненного родится дельная мысль, что зачастую и бывает. В

этом случае начальник без ущерба для своей репутации может воспользоваться предложением, кто знает, о чем там на самом деле думал начальник.

Шкипер оказался знающим свое дело, поэтому доставил подопечных к назначенному месту на рассвете, предоставив в их распоряжение целый день. Не сказать, что в условиях враждебной степи это так уж и много, но и немало, чтобы подготовить хоть какие-то укрепления. За день они успели сколотить рогатины, которых хватило для того, чтобы замкнуть небольшой периметр, достаточный для временного размещения взвода. Отырыли траншею.

По меркам Сергея скорее окоп с бруствером для стрельбы с колена. Для того чтобы перемещаться по данному сооружению и гарантированно не оказаться жертвой шальной пули, нужно встать на четвереньки, не иначе. Но дальше местная военная мысль пока не шагнула. Как не было у солдат и саперных лопаток, при необходимости их снабжали обычными. Это создавало определенные трудности при мало-мальской нерасторопности интенданта, что было скорее правилом, чем исключением.

Однако уж что-что, а лопаты в количестве трех десятков, как и другой инструмент в достаточном количестве, у черных шевронов были. Иначе просто никак, ведь им предстояло построить укрепленную заставу. Конечно, их жизни мало что значили для правительства, но ему было необходимо обеспечить должную защиту купцам, а потому имелась

кровная заинтересованность в возведении крепких опорных пунктов.

Одновременно с возведением защитного периметра устроили пороховой погреб, куда снесли все боеприпасы. Установили палатки для размещения личного состава и припасов – в весеннюю пору дожди в степи вовсе не редкость.

К закату на некогда пустынном берегу уже имелось какое-никакое полевое укрепление, способное противостоять атаке незначительной банды арачей. Люди были измотаны. Работать приходилось под палящими лучами солнца, да еще и перелопачивать десятки кубометров земли, напитанной влагой как губка. Но все же никто не отлынивал, и работали если не за совесть, то за страх. Все просто. Они пришли сюда не сложить свои головы, а чтобы получить шанс на свободную жизнь, без опасливого оглядывания по сторонам.

– Пошло родимое! Веселее, веселее! Молодца, вот так!

– Сергей, тише, сейчас бревно потеряем!

– Ничего ему не станется, веревки уже заняли свое место.

– Так здоровое.

– Говорю, не свалится. А о том, что здоровое, пусть переживает тот, кому его раскалывать придется, – беззаботно улыбнулся Варакин, выдавая зубами мелкую дробь.

Вообще-то работать в воде приятного мало, река все еще холодная. Но делать нечего – не подняв лес, не построишь заставу, вот и пашут не покладая рук. А какой смысл лодыря-то

гонять, если все на поверхности. Сделают дело – появится уверенность в безопасности, а нет... В полевых укреплениях, что они устроили, долго не выстоять. Так что вкалывают не за страх, а за совесть.

Холодно. Но нет, сначала еще одно бревно поднимут, а там можно будет и поменяться с Анушем, погреться на изрядно припекающем весеннем солнце. Они сейчас словно между молотом и наковальней, сверху жарит так, что не продохнуть, снизу стылая вода. Работать приходится в исподнем (это Сергею, двое его товарищей недолго думая остались нагишом, а вот он немного комплексует), да еще и босиком, рискуя напороться на острую ветку, способную с легкостью поранить ногу. Но лучше уж так, чем лишиться обуви.

Отделение Сергея, в отличие от остальных, позажиточнее будет. Варакин мало что позаботился о снаряжении, так еще и про сменную одежду не забыл, как и про обувь. Об Ануше позаботился его родитель, ну а Хват, он и есть Хват, где-то как-то нахватал, еще до того, как его в отделение Сергея определили. Казалось бы, надевай и работай, да только обувь подобного издевательства долго терпеть не станет, расползется, а оно того не стоит.

Выбрать очередное бревно. Подвести его по воде к скрепленным скобами бревнам, выполняющим роль пандуса. Дождаться, пока Ануш подтянет канаты. Перехлестнуть бревно с двух концов. Подать сигнал наверх, чтобы другое отделение, у которого упряжка из четырех лошадей, начинало

подъем. И за следующим бревном. Стоп. Сначала поменяться с Анушем. Хватит, погрелся – дай другим.

В методе, применяемом шевронами, присутствовал один недостаток. Бревна поднимались по пандусу довольно легко, разве только вначале имелаась опасность, что канаты соскочат с концов. Потом-то канат успевал продавить и протереть в коре бороздки, нечто вроде направляющих, и вероятность соскока значительно падала. Но после каждого подъема, когда очередное бревно отцеплялось, нужно было возвращать канаты к берегу. Это делал при помощи веревки, привязанной к ним, специально выделенный человек. Вроде и нерационально, и тяжело, но, с другой стороны, шевронов вполне устраивало, так как была возможность греться поочередно, благодаря чему работа шла практически непрерывно.

При выставлении застав командование озаботилось не только строительным лесом, но и подбросило пиломатериалы в виде досок. Неслабое подспорье, чего уж. Имелись и три блока, с помощью которых куда сподручнее ворочать тяжелые бревна. Вот два из них и приспособили для подъема леса от воды по крутому берегу. В наличии был и передок наподобие того, каким Алексей и Сергей тягали бревна на хуторе Бедрича, но использовать его на берегу, покрытом крупным, но все же рыхлым песком, идея не из лучших. Эдак и себя замучаешь, и лошадей угробишь. Поэтому его использовали уже наверху, там, где плотный грунт и лошадям не так тяжело.

Поправив за спиной карабин, который все время ерзал, Сергей пошел на сушу, показывая Анушу, что пора меняться. Все недоумевали, когда Сергей сделал ружейный ремень, чтобы иметь возможность носить карабин на манер пехотинцев. У драгун это было не принято, карабины либо находились в руках, либо покоились в седельных чехлах. На ложах «дятличей» с левой стороны имелись кольца, за которые их можно было подвешивать к седлам. Но большинство от них избавлялись, предпочитая использовать более удобные чехлы, да и сам карабин не мотает. Варакин дополнил чехол ремнем, мало того, заставил то же самое сделать и своих подчиненных.

Ремень что, его и снять можно или подтянуть так, что он не будет мешать. Если с умом, то появляется дополнительная возможность для более жесткого упора оружия, от чего и стрельба будет точнее. Так что помехой всяко-разно не будет. Даже работая в воде и будучи голыми, они имели за спиной карабины. Видок тот еще, «джентльмены удачи» во главе с Евгением Леоновым отдыхают. С другой стороны, от смеха ничего фатального не произойдет, намочить не намочат, не по пояс в воде, а случись надобность, то они окажутся при вполне серьезном оружии.

– Ну что тут у вас?

А вот и взводный сержант появился, Грибски который. Инспектор. А то не видно, что тут и как. Через нехорошее место, вот как. Разумеется, резкого ответа мужик не заслу-

живает, поэтому Сергей сдержался. Дело вовсе не в его иллюзорных нашивках, это черным шевронам не положено. Тут даже и должности такой нет, но раз уж есть воинское подразделение, пусть и такое, как это, то должен быть хоть какой-то порядок. Главное то, что Милош оказался действительно знающим и толковым мужиком, а такому грех не выказать уважение.

– Работаем, разве не видно? – подбоченившись, ответил Сергей.

– Я вижу, как вы тут работаете. Кто это придумал поднимать толстые бревна? Что, решили подложить свинью товарищам? Весельчаки, итить вашу.

В этот момент раздался звук трубы. Сигнал к обеду. Продолжая выслушивать недовольное ворчание Грибски, отделение потянулось одеваться. Сергей не отставал от парней, правда, не забывал и общаться с сержантом.

– Милош, ты бы толком объяснил, чего разрываешься, – присев на бревно и натягивая штаны поверх уже сухого исподнего, возмутился Сергей. – У меня тут хозяйство скоро отвалится, зубы искрошатся от стука, да простуда не за горами, а ты предъявляешь не пойми что.

– А чего тут непонятного? Самые толстые бревна нужно оставлять на берегу, из них причал ладить будем, потому как наверху все одно раскалывать придется. А вы гоните их, чтобы мы потом вниз спускали.

– А сразу сказать нельзя было?

– Кто же думал, что ты не догадаешься. Небось тут посмеивался, когда бревна наверх посылал.

При этих словах Хват и Ануш переглянулись и хитро улыбнулись. Ага. Это Грибски в точку попал. Ну и что с того? Откуда Сергею было знать? Вообще-то, если чего не знаешь, не мешает спросить. Ладно, чего теперь-то, проехали.

– Не подумал, – уже поднявшись и накидывая лямки помочей, ответил Сергей.

– Оно и видно. Вот...

Что там «вот» так и осталось неизвестным – раздалась разноголосица выстрелов. Кто стреляет, догадаться несложно, а вот откуда? Ффу-у – высоко над головой пролетела пуля.

– В ружье!!!

Грибски, стоя на высоком берегу, заревел, что твоя иерихонская труба, одновременно поворачиваясь к стоящему внизу отделению спиной и тут же посылая пулю из карабина в сторону лагеря. Вряд ли он попал, такая стрельба скорее рассчитана на то, чтобы ударить по нервам. Это если пинки уже не находятся в непосредственной близости. Сорвавшись с места с неожиданной для его комплекции резвостью, он скрылся из виду.

Играть в гляделки некогда. Едва сержант послал первую пулю, Сергей с товарищами рванул наверх, загребая сапогами податливый песок. Но когда Ануш и Хват хотели продолжить движение, Сергей остановил их и, высунувшись над

кромкой, осмотрел поле боя.

Благодаря тому, что многие пинки использовали дымный порох, понять, откуда ведется огонь, несложно. Из ложбинки за пределами лагеря. Не так чтобы и далеко, но стрелки они аховые, так как постоянной практики не имеют, поэтому падающих шевронов Сергей не заметил, хотя люди и мечутся в беспорядке, подставляясь по полной. Сержанты пытаются навести в этом бедламе порядок.

– К бою!!!

– Пинки!!!

– Куда, мать твою! Назад, в перехлест, через плетень!

– А ну взял карабин! Зашибу, едрить твою налево!

– Справа! Справа обошли!

– Слева! Слева они!

Дежурный десяток молотит что твой пулемет, прикрывая товарищей, спешно изготавливающихся к бою или просто приходящих в себя.

– Занять круговую оборону согласно расчета! Шевелитесь, телячья немочь! – Это уже капитан, и не узнать его голос просто невозможно, сержанты отдыхают. Как видно, с боевым опытом мужик.

Хи-юп-юп-юп-хия!

Среди этой разноголосицы помимо дробного грохота выстрелов слышатся и крики, полные боли. Воинственные выкрики пинков и впрямь раздаются с разных сторон. Их много, они повсюду. Происходящее настолько жутко, что толь-

ко закаленные в боях ветераны сохраняют самообладание. Они-то и пытаются взбодрить растерявшихся и откровенно струсивших товарищей.

– Да они повсюду!

Ого, а вот этот голос вполне даже знаком. Ануш сошел с нарезки, пятясь назад.

– Стоять!

Сергей сам себе удивлялся. Да, от хлынувшего по венам горячего потока адреналина он потерял ориентацию и где-то даже утратил нить, связывающую с реальностью. Но это не был испуг или растерянность. Панические ноты, сорвавшиеся с уст младшего товарища, и вовсе привели его в норму. Голова опять стала светлой, способной принимать быстрые и взвешенные решения.

Приводя парня в себя, Варакин схватил его за грудки, встряхнул и вlepил затрещину, прозвучавшую едва ли тише выстрела. Во взгляде Ануша непонимание, обида и злость одновременно. Молодец, дружище, значит, с характером все в порядке, и причина случившегося вовсе не трусоватая натура, а обычная растерянность. Это ничего, это лечится.

– Приди в себя, парень! Некогда раскачиваться! Карабин в зубы и стреляй! Давай!

Крича это, Сергей сам уже держит карабин на изготовку, вот только ищет он не пинков, это еще успеется. Хват. Где этот блатной оторва? Молоток. Вор оказался не робкого десятка и быстро ориентировался. Он откатился немного в сто-

рону, чтобы не сидеть плечо к плечу. Карабин в его руках уже бился как бешеный, выплевывая одну пулю за другой. Вряд ли такая стрельба могла быть результативной, но свой вклад в организующуюся оборону вносил.

Взгляд Сергея выцепил одного из шевронов, который сейчас валялся на траве, скрючившись и мелко суча ногами. Этот из второго отделения, которое также было задействовано на переноске бревен. С началом перестрелки все они, как и сержант Грибски, поспешили за линию траншей, где в козлах стояли карабины, а сейчас организовывалась оборона. Да вот одному не повезло.

Слишком увлекшись наблюдением и личным составом, Сергей упустил тот простой момент, что они находились вне оборонительного периметра. Плотность огня все усиливалась, и перебежка к окопам сопряжена с серьезной опасностью. Оно вроде и не далеко, да только по открытому участку – даже если ползти, здесь траву изрядно повытоптали, так что будешь как на ладони, да еще и белые исподние рубахи. Словом, веселья до неожиданной кучи в штанах.

Над головой вжикнула очередная пуля, другая вздыбила фонтанчик земли, ударив совсем близко от левого локтя. Все же белые рубахи сильно демаскируют. Надо будет подумать над маскировкой и вообще перекрасить свой мундир. Бронжилет вроде как грязно-серого цвета получился, парусина достаточно старая, но все одно перекрасить не помешает. А еще раздобыть сеть, нашить на нее лоскутов, и получится

замечательно. Можно изготовить лохматый комбинезон, так куда практичнее. Мо-ло-дец! Йок макарек! Не, а чего такого? Подумать же больше не о чем. Тут вот-вот пришибут, и отряд не заметит потери бойца, а ему только и думать что о маскировке.

Варакин прекратил стрелять и немного приподнялся, всматриваясь в продолжающийся бой. Реально попасть в кого бы то ни было сложно, а вот понять, что тут происходит, не мешало бы. О том, чтобы присоединиться к взводу, нечего и думать, тут метров тридцать по открытому пространству. Впоследствии это расстояние будет съедено стенами и постройками заставы, но сейчас все именно так, и связано это в первую очередь с питьевой водой. Этот ресурс чуть не самый важный в условиях степи, вот и устроили лагерь во круг ключа.

Пинки были не повсюду, как казалось вначале. Просто они использовали неглубокую ложбинку, охватывающую лагерь полукругом. Интересно, а как у них вообще получилось пробраться по ней, ведь выставленный немного в стороне и на взгорке пост должен был засечь их задолго до приближения к лагерю?

Сергей произвольно бросил взгляд в сторону, где должен был располагаться пост. Ничего. Из окопа, вырытого для несения службы, где при случае можно было принять бой, не раздается ни одного выстрела. Перебили? Интересно, и как это у них получилось? По всему выходит, что начали именно

с них. Но там все открыто, и незаметно не подобраться.

Ладно, сейчас не до того. Что там в лагере? Стрельба не прекращается и звучит с такой же интенсивностью. Бьют часто и бездумно. Понятно. Шевроны стараются подавить нападающих плотностью огня и вынудить их отступить. Интересно, а чего хотят добиться этим тарарамом пинки? Судя по всему, у них с результативностью ничуть не лучше, а то и хуже. Но им-то нужно не просто отогнать рустинцев, их разбойничья натура требует как минимум трофеев. Да и некуда отходить заставе – либо выстоять, либо лечь костями.

У коновязи в центре лагеря мечутся лошади. Ни одна из них пока не убита и даже не ранена. Лошадь вообще пугливое животное, а тут столько всего, есть чего испугаться, вот и ярятся. Если пинки не могут попасть даже в них... Впрочем, лошади – это добыча, кто же станет портить добро... Добыча?

Если так, то, получается, пинки намерены перебить солдат, объявившихся на их территории. Но, продолжая в прежнем духе, они ничего не добьются, только пережгут патроны, а они слишком дороги. Сергей еще раз взгляделся в обороняющихся. Ну так и есть. Все силы сосредоточены напротив нападающих, со стороны берега нет никого. Рогатины в связи с ежедневными работами растащены, и подступы свободны. Отвлекающий маневр! Твою дивизию!

– Хват, Ануш, быстро к бревнам и занимаем позицию.

Парни не переспрашивают, а действуют. Правда, Ануш

недовольно косится. Ему бы сейчас туда, где стреляют, чтобы доказать всем... Нет, доказать себе... Словом, и себе и всем... А его уводят к кромке воды, откуда вообще ничего не видно. Хотел было возразить, но Сергей боднул таким взглядом, что парень беспрекословно подчинился. В этот момент он словно старшего брата увидел, который проявил недовольство по поводу его нерасторопности, и если не исправить, то прилетит в ухо. Тяжкая это доля – быть младшим в семье, все-то тобой понукают, и слова никому не скажи.

Отбежали вниз и заняли позицию за бревнами. Хват – молодец, уже дозаряжается, вынимая желтые патроны из пояса и заталкивая их в окошко на ствольной коробке. Вид не то чтобы боевой, а какой-то задорный, если бы не стрельба, того и гляди, в пляс пустится. Адреналиновый наркоман? Да кто его знает.

Ануш вроде пришел в себя, нервно сглотнул и отвел взгляд в сторону. С этим все понятно, парень молодой, не робкого десятка, но вначале растерялся, а оттого ему и нехорошо, боится обвинений в трусости. В таком состоянии он может и в атаку ринуться, реабилитируясь в глазах окружающих, а главное – в своих собственных.

– Вот это я понимаю. Вот это взбодрились Я чуть в штаны не навалял, – сверкнув белозубой улыбкой, произнес Сергей.

– Ты-ы? – искренне удивился Ануш.

– Да ладно, капрал, не заливай. – Улыбка у Хвата даже шире, чем у Сергея.

– Поменьше улыбайся и по сторонам гляди. Готовьте гранаты и фитили. Хват, посматривай за спину, чтобы не обошли. Шевелись.

Оба подчиненных недоумевающе переглянулись. Гранаты-то у них с собой. Портупея в этом плане большое подспорье, только подхвати – и у тебя с собой боезапас и револьверы. Всего Варакин успел изготовить десяток гранат. Четыре сейчас находились в ящике с вещами, а шесть у них в подсумках, пока по две у каждого – одна из толстостенной трубы с насечкой и вторая из гнутого кровельного железа. Там же спички в железной коробочке и кусок фитиля.

Но приказ им все же показался странным. Какие гранаты, если драка происходит там, наверху, а они вообще отбежали к реке и укрылись за бревнами? И какие такие пинки сзади? Да тут берег в обе стороны просматривается на версту, ну никак не меньше, видно даже слияние с Изерой.

Однако Сергея это вовсе не смутило, и он сноровисто поджег фитиль. Делать нечего, парни повторили манипуляции командира. Оставалось надеяться, что их не обвинят в трусости и не расстреляют. С Грибски станется. Да и капитан – тот еще подарок. Поговаривают, он принимал участие чуть не во всех пограничных конфликтах с валийцами и медиоланцами.

Быстрее, быстрее... Сергей буквально физически ощущал, как неумолимо течет время. Успели, все три фитиля курятся легким дымком, щекоча ноздри. И что? Неужели он

все неправильно понял? Эдак и к стенке встать можно. Спокойно. Еще немного обождут, а потом пройдут дальше по берегу, выйдут в ту самую ложбинку, она как раз во-он там начинается, и ударят пинкам во фланг. Три карабина, да с такими стрелками... Первая растерянность прошла, так что мало нападающим не покажется...

Вре-о-ошь. Прав он оказался. Как есть прав. Вот они, родимые, один за другим спускаются на песчаный берег и бегут к плоту. Тут самый удобный подъем и выход как раз в тыл обороняющимся. До них пока метров двести. В принципе можно уже и стрелять, но лучше обождать, все же почти на пределе прицельной дальности.

– Ну, бугор, считай, банк сорвали, – с нескрываемым уважением произнес Хват, признавая ошибочность своих мыслей относительно лица начальствующего.

– Я не бугор.

– А мне поровну. Мозгов у тебя – любой бугор обзавидуется. Чего ждем?

– Пусть подбегут, чтобы не жечь патроны почем зря. Ануш, не отсвечивай, заметят, и никакого толку. Нам нужен хотя бы один труп, чтобы самих не упрятали под землю на два аршина.

– Это точно, – поддакнул Хват.

– Помните: не суетитесь. Стреляете вы хорошо, один выстрел – один труп.

– Задавят, – прикидывая количество нападающих, возра-

зил вор, начиная нервничать.

А ведь есть с чего мандражировать. На берегу уже находилось около трех десятков арачей, которые, вытянувшись в цепочку, бежали к плоту. А на песок выбегали и другие.

– Уймись, Хват. Если начнут давить, пустим в дело гранаты. Что там за спиной?

– Нет там никого. Может, пора?

– Погоди малость. Вон до той коряги добегут...

– Ага, – нервно сглотнул Хват.

Вор весь как на шарнирах. Отчего-то вспомнился Промокашка из «Места встречи изменить нельзя». Только и отличия, что этот не робкого десятка. Да, нервничает, но не побежит и руки задираТЬ не станет. А потом, трудно, знаете ли, оставаться спокойным, когда против каждого выходит дюжина нападающих. Тут не железное достоинство нужно иметь, а бронированное.

Ситуация вырисовывалась аховая. Судя по всему, заставу сейчас обстреливали десятка три пинков, это если учитывать ружья. Впрочем, скорее всего там все с огнестрелом. А хорошо так вооружены арачи, пусть даже ружья разношерстные, от кремневых гладкостволок до современных «дятличей». Или это сборный отряд охотников за удачей? Без разницы. Если дойдет до ножей и топориков... Это будет конец, и никакие сабли не помогут.

Вроде больше никто не выпрыгивает. Десятков пять против трех человек. Неслабо. Пожалуй, тут им и абзац придет,

даже несмотря на то, что половина из арачей не имеет огнестрела. Ну да, потерявши голову, по волосам не плачут. Выбора у них все одно нет. Останутся и примут бой – есть шанс выжить. Побегут... Да тут и без охотников за головами управятся. Сами пинки и догонят.

Коряга. Пора! Приклад уже давно упирается в плечо. Ремень взят враспор, от чего руки и карабин образовали жесткую конструкцию. Вдобавок ствол опирается на бревно. Мушка уже давно сопровождает набегающего противника. До него чуть больше ста метров, дистанция уверенного прицельного выстрела. Конечно, живой человек – не то же самое, что мишень или животное, но все же вот у этого, первого, шансов выжить очень мало. Нет у него шансов, потому как Варакина не в дровах нашли.

Выстрел! Указательным пальцем потянуть затвор на себя, не отводя взгляда от цели. Пинк запнулся, как-то нелепо взмахнул руками, локтями вверх. Большим пальцем подать затвор вперед, до характерного щелчка. Все же хорошо, что тут родилась такая система, а не винчестер, им из такого положения или положения лежа особо не повоюешь, ему простор снизу нужен. Пинк начал оседать на колени. Убит или ранен, не важно. Рядом вперехлест бьют карабины товарищей. Как у них с результативностью – смотреть некогда.

Новая цель. Выстрел! Приходи, кума, любоваться. На этот раз он еще не успел перезарядиться, как получивший пулю противник, провернувшись волчком, въехал лицом в песок.

Как видно, пуля угодила в бок. Да без разницы.

«Дятлич» бьет раз за разом, как метроном. Далеко не все выстрелы достигают цели. За двумя удачными последовали два промаха. Все же человек – это не животное, поведение которого прогнозируется с большей вероятностью. Двуногие потому и выжили, заняв доминирующее положение, что отличались умом и сообразительностью.

А эти пинки, похоже, еще и боевым опытом обладают. Едва оказавшись под обстрелом, они тут же прекратили двигаться по прямой. С укрытиями на песчаном пляже так себе, но они быстро ориентируются. Одни продолжают набегать, выписывая зигзаги и значительно ускорившись. Другие заняли позиции, используя малейшие песчаные холмики, рывины, коряги и даже павших товарищей. Послышались ответные выстрелы, и на обороняющихся полился свинцовый дождь. Одни пули с глухим стуком входят в дерево, другие пролетают мимо, с завораживающим вжиком.

Вот же. Сергею не раз доводилось слышать свист пуль – и во время службы, и на охоте всякое бывало, но там был именно свист. Здесь же пули как раз вжикали. На разные лады, это да. Но свистом это не назвать и с большой натяжкой. Возможно, все дело в калибре, а может, в форме или скорости пули, этого он не знал, просто отметил для себя как факт.

Слишком близко. До передних пинков уже около пятидесяти метров. Затеявшие обстрел добились своего и заставили-таки обороняющихся искать укрытие. Как результат,

интенсивность стрельбы упала. Да даже если и по-другому. У Сергея в магазине всего четыре патрона. Еще немного, и дойдет до ближнего боя. Конечно, у них есть пять револьверов, а это еще тридцать полновесных выстрелов. Но, во-первых, ты поди их еще сделай, пинки не станут ждать. А во-вторых, хорошо обращаться с этим оружием умеет только Хват, Сергей и Ануш больше на стрельбище упражнялись, да и там уступали вору.

– Гранаты! Живо!

Сергей отставил карабин, подхватил фитиль и тяжелую тушку из трубы, поджег запальный шнур и, замахнувшись, практически не высываясь, метнул снаряд. Что там и как, рассматривать некогда. Вторая граната. Поджечь. Раздается взрыв. Затем еще два. В бревно бьют тяжелые осколки. Слышатся крики. Но это с той стороны, свои вроде целы. Улыбающееся лицо Хвата, с глазами навывкате. У Ануша губы трясутся, но руки не дрожат. Порядок.

Вторая чушка, уже из гнutoго железа, неся за собой тоненький дымный шлейф, устремляется вперед и по дуге. Все, гранат больше нет. Опять карабин в руках. Ремень перехлестывать времени нет. Вдавить приклад в плечо. Взрыв! Впереди сверкнуло, и вздыбился столб песка. Из-за висящей пыли и дыма видимость не очень. Два других разрыва еще больше усиливают завесу.

Пополнить магазин? Нельзя. В любой момент из стены пыли могут появиться нападающие. Сергей нервно водит

стволом карабина, стараясь охватить все пространство песчаного пляжа. Наконец что-то проясняется. Ветра нет, и пыль оседает медленно. Завеса нехотя истончается, постепенно позволяя рассмотреть происходящее.

Господи, неужели получилось?! Пинки улепетывают во все лопатки, даже не пытаясь остановиться. Кто-то взбирается на крутой берег, кто-то бежит к более удобному подъему – в том месте, где к реке выходила та самая ложбинка. Сразу выбираться на берег опасно, можно попасть под обстрел обороняющихся наверху шевронов. Теперь главное, чтобы они не передумали.

– Огонь, парни! Бей, не давай опомниться!

Выстрелы звучат суетливо, один за другим. Расстреляв остатки магазина, Сергей сумел снять лишь одного убегающего, Хват и Ануш вообще не попали. Но это сейчас не важно. А важно не позволить им опомниться и дать утвердиться в мысли о скорейшем бегстве. Если они придут в себя и развернутся... Второй раз такое шевронам уже не провернуть.

Начать преследовать? Спокойно, аника-воин. Вышло отбиться – и то хорошо. Сейчас эти бегунки принесут весть о срыве атаки с тыла, и пинки сами уйдут, все той же ложбинкой. Но если вдруг что-то пойдет не так...

– Парни, зарядите карабины. Не зевать.

– Думаешь, могут опять сунуться? – усомнился Хват, осматривая пляж перед собой и одновременно извлекая патроны из патронташа.

Было на что посмотреть. Как минимум полтора десятка – убитые и все еще подающие признаки жизни тяжело раненные. Это они их хорошо встретили. Добавки не требуется. Как минимум треть выкосили, а ведь наверняка есть раненные и среди убежавших.

Когда магазины были пополнены, Сергей вдруг ощутил, что характер перестрелки изменился. Она как-то сразу пошла на убыль. Еще немного, и стрельба стала разрозненной и даже одиночной. Наверняка кто-то, еще не остыв от схватки, палит в белый свет как в копеечку. Но вот и эти выстрелы стихли. Ясно. Противника не видно, капитан и сержанты силятся понять происходящее.

– Ладно, парни. Пока суд да дело, пошли прогуляемся, – излучая всем своим видом уверенность, отдал распоряжение Сергей.

– Куда?

– А туда, Ануш. – Варакин указал на тела пинков. – Оружие держать наготове.

Подшли к неглубоким воронкам, оставшимся на песке. На месте, где поработали гранаты, три тела. Один все еще жив, мелко сучит ногами, глаза на сером лице смотрят с нескрываемой ненавистью и злостью. Глядя на него, так сразу и не поймешь, кого он больше ненавидит – рустинцев или самого себя за свое бессилие что-либо сделать.

– Хват, страхуем, – наведя карабин на тяжелораненого, начал раздавать приказы Сергей. – Ануш, добей его. Куда?..

Не из карабина.

– А как?

– Ножом, парень. Вскрой ему глотку.

– Но...

– Давай. Только бей точно, не видишь, мучается.

– А может?..

– Побереги патроны. Действуй. Тебе ведь не впервой.

– Но там... Тогда я...

– А сейчас вот так. Ну!

Ануш на негнущихся ногах двинулся к раненому, загребая сапогами податливый песок. Тут всего-то четыре шага сделать. Тяжко ему сейчас. Ох и тяжело. Сергей прекрасно его понимал, хотя бы потому, что ему сейчас самому муторно. Но что поделать, тут арифметика простая – если не ты, то тебя. Оставлять за спиной недобитого врага никак нельзя.

– Бугор, может, я?

Видно, что происходящее Хвату противно. Одно дело – в бою, и совсем иное – вот так, как барана. Надо же. И кто? Вор. И не просто вор, но еще и грабитель, который на очередном гоп-стопе прибил клиента. Видать, не все человеческое растерял. Это он ведь Анушу помочь захотел, оградить от мерзкой работы.

– Не мельтеши, и твой черед придет. Посматривай лучше, чтобы какой недобиток в нас не пальнул. И хватит меня бугром называть, уж лучше капралом или Сергеем.

– Договорились.

– Чего встал, Ануш? Никто за тебя твою работу делать не станет. Бей, – стараясь выглядеть спокойным и непреклонным, приказал Сергей.

Парень склонился и ударил ножом по горлу. Неудачно ударил. Вскользь. Пинк и без того на последнем издыхании, с развороченным брюхом-то, но этот удар его не добил. Под градом ругательств Ануш ударил еще два раза, пока раненый наконец не затих, в последний раз дернув ногой и перепачкав парня своей кровью.

Ненавидя сам себя, Сергей приказал провести контроль и в отношении явно мертвых пинков. Здесь вроде прошло куда легче. Молодой Бартова теперь бил с каким-то остервенением, обдав Варакина полным ненависти взглядом. Ох-ох-ох, как бы с резьбы не сорвался. Неправильно это. Нужно было сначала самому. Оно вряд ли было бы легче, чем смотреть, но точно не чувствовал бы себя такой сволочью по отношению к парню.

Нашелся раненый и для Сергея. Пуля угодила в грудь, рана пузырилась при каждом судорожном вздохе бедолаги. Не жилец. Но это ты бабушке расскажи. Умеешь отдавать команды – сумеешь сделать и сам. Превозмогая отвращение и всячески стараясь сохранять уверенный вид, Сергей плавным движением извлек нож. Быстро опустил на колено и не задумываясь, так, словно перед ним дичь, приподнял голову и перемахнул горло ножом.

В отличие от Ануша он в крови не изгваздался. На его

одежде следы зеленой травы, древесной смолы, песка и земли, но кровавых пятен нет. Ничего удивительного, богатая охотничья практика. Одежду он кровью не испачкал, это да, а вот в душу словно чернилами плеснули.

Да, он убивал до этого. Убивал и сегодня. Но убивать на расстоянии и вот так... сравнить невозможно. Сергей вдруг ощутил, как на сердце легла тяжесть за то, что он сотворил с Анушем. Необходимость происходящего понятна, но от этого не легче. Может быть, позже, когда жизнь пообтреплет, он и посмеется над обуревающими его сегодня чувствами, но лучше бы не надо. Очень не хотелось превращаться в зверя.

– Так и знал, что это вы, – слышался голос с высокого берега.

Варакин бросил взгляд в сторону Грибски. Никаких сомнений, это именно его мощная фигура возвышается на фоне голубого неба. Сержант один, остальные, как видно, в лагере, разбираются с последствиями нападения, а может, и готовятся к последующему. Это вполне вероятно, с учетом количества нападающих, а их, получается, было не меньше сотни.

Пинкам достаточно отойти к оврагу примерно в версте от заставы, сесть в седло – и можно повторить атаку уже верхами. Вряд ли из этого выйдет толк, все же рогатины не дадут прорваться за периметр, но обстрелять получится. Правда, результативность такого обстрела будет даже хуже, чем при первом нападении, и вероятность понести потери повыше.

Но такое возможно.

– А ты, часом, не решил там, что мы дали деру? – склонив голову набок, с эдакой язвинкой поинтересовался Сергей.

– Я-то нет, но кое-кто подобное предположение сделал.

– И кто, если не секрет?

– Лишнее. Вижу, не зря я свел в одно отделение лучших стрелков. Изрядно вы тут покрошили.

– Да уж, постарались. А как у вас?

– Вроде кого-то там подстрелили, есть пара кровавых от-метин, но насколько серьезно – не понять. По мне, так и несерьезно. У вас совсем другое дело. Гранаты сильно помогли?

– Так... – Сергей сделал неопределенный жест. – Больше напугали. Дюжину мы подстрелили сами, гранатами только троих посекали. Может, кого еще зацепило, да они смогли уйти сами.

– Ясно. Пройдите дальше и поднимайтесь наверх. Пойдем посмотрим пост на высотке.

Сергей кивнул. Вполне логично. Нужно же понять, что там произошло и почему пинки сумели организовать внезапное нападение средь бела дня практически на открытой местности.

Через пару минут они были на месте. Представшая картина не была чем-то из ряда вон. Примерно это они и ожидали увидеть. Отделение из трех шевронов было попросту вырезано. Вернее, зарезали двоих, третий получил сразу две

стрелы в спину. Расслабились, итить их. Двое беззастенчиво дрыхли, устроив маленький навес из жердей и травы. Третий нес службу по своему разумению и, как видно, не больно-то утруждаясь.

Пинки сначала перебили пост, потом подали сигнал своим, и те ложбинкой подошли к месту нападения. С этой возвышенности ложбина просматривалась практически полностью, а уж позиция, откуда велся обстрел, и подавно. Будь здесь во время нападения Сергей со своим отделением, и арачам не поздоровилось бы. Лениость одних послужила причиной несчастий и для них и для товарищей.

– На заставе потери большие? – глядя на обобранные трубы, поинтересовался Сергей.

– Один убит, двое легко ранены и одному досталось серьезно. Если в госпиталь доставить, то, может, и обойдется.

– Повезло.

– Угу, – правильно поняв Варакина, согласился Грибски. – Легко отделались. Хорошо, что у арачей с добрыми стрелками не так чтобы очень.

Эти слова соответствовали истине. Управляться с луком, копьем, топориком и ножом пинки учатся с детства, потому это оружие в их руках весьма опасно. Огнестрел же при всей своей простоте тоже требует тренировок, хотя и поменьше. А для этого нужны дорогие, и уж тем более для пинков, боеприпасы. Пополнить запасы патронов или пороха они могли только двумя путями: либо трофеями после удачного напа-

дения, либо выменяв втридорога на факториях. Вот и получалось, что при всех охотничьих талантах хороших стрелков среди них было откровенно мало.

– Сергей, давай ты со своими обосновывайся здесь. Вечером пришлю смену.

– Ясно. Милош...

– Ну, чего еще?

– Может, стоит начать с вышки?

– Поняли уж свою ошибку. Думали, пока сможем обойтись вот этим постом, но, похоже, вышка будет куда надежнее. Теперь такое веселье начнется, только держись. А строить нужно, иначе всем конец.

– С раненым-то как будет?

– Попробуем посадить на проходящего купца. Не откажут. Вот успеют ли довести, вопрос иной. Ладно, пошел я.

– Ануш, сбегай принеси мундиры и бронежилеты.

– Капрал, упаримся ведь, – скосив взгляд на жарящее солнце, попытался возразить Хват.

– Может, и так. Да только лучше зеленый мундир и серая парусина, чем белые рубахи. А броня так еще и жизнь может уберечь.

– Да чего она убережет, в яме же сидеть будем?

– Поговори мне еще, умник. Ануш, все понял?

– Сделаю, – угрюмо буркнул паренек.

Как видно, произошедшее произвело на него сильное впечатление. Пинки, они вроде как и дикари, но ведь все одно

люди. Интересно, сколько пройдет времени, пока молодой Бартова оттает? И оттает ли вообще или по гроб не забудет случившегося? Нет. Это вряд ли. Все же дитя пограничья. Ему понять всю необходимость произошедшего много проще, чем городскому. Да Сергею должно быть куда труднее, чем местному жителю.

Глава 2

Писатель

– Ну где еще можно найти нашу таинственную знаменитость, как не у себя дома. Приветствую вас, господин Дворжак.

– Какими судьбами, господин Коуба?

Алексей с нескрываемым любопытством смотрел на владельца одной из крупнейших газет Рустинии «Плезненские ведомости». Именно благодаря расторопности этого газетчика и парочке предложений самого Болотина, которые Коуба блестяще воплотил в жизнь, пришелец с Земли сумел приобрести столь бешеную популярность.

Узнав о гибели своего друга Сергея Варакина, Алексей, замечая следы, сменил имя и предпочел убраться в Старый Свет. Была поначалу мысль сменить страну, но по здравом рассуждении он пришел к выводу, что идея не столь уж и хороша. Он очень мало знал о Глобусе, как они с Сергеем называли этот мир, а потому ему нужно было как минимум осмотреться и обтереться. Вот проживет пару лет, а там можно будет и сменить страну.

Рустинский язык он знал довольно неплохо, хотя и говорил с непередаваемым акцентом, письменность уже усвоил, правда, с грамматикой был ряд сложностей. Это будет боль-

шим подспорьем. Однако оставаться в Новой Рустинии, где он успел прилично наследить, не так чтобы и разумно. Поэтому он предпочел отправиться в метрополию, а там уже определяться.

Путешествие по морю выдалось долгим. Уже на третий день ему стало скучно, пейзаж бескрайнего океанского простора не завораживал, а стесненность судовой жизни стала давить на психику. Хорошо он хотя бы оказался не подвержен морской болезни и с легкостью переносил качку. Глядя на мучения большинства пассажиров, Болотин не переставал благодарить Господа за такой подарок.

Со скукой пассажиры боролись по-разному. Кто-то предпочитал азартные или развлекательные игры. Кто-то выходил на специальную площадку на корме и забавлялся стрельбой. Кто-то проводил время в танцах или светских беседах. Кто-то читал. Хватало и тех, кто искал утешения в вине.

Все это, за исключением стрельбы, Алексею было неинтересно. Но не будешь же весь день напролет палить из револьвера и карабина. Если даже забыть о том, что это просто надоедает из-за постоянного грохота, развлечение довольно дорогое. Хотя и запускать это дело Алексей вовсе не собирался. Оказавшись в этом мире, он уже успел узнать, что умение постоять за себя и своих близких вовсе не блажь, а порой жизненная необходимость.

Читать на чужом и пока еще недостаточно хорошо освоенном языке удовольствие ниже среднего. Вот тут-то он и

вспомнил о своем намерении попробовать писать фантастические романы. А что, у него были все возможности для того, чтобы стать местным Жюлем Верном.

Он стал подолгу уединяться в своей каюте и корпеть над текстами. Разумеется, ему было куда проще писать на русском языке, но так уж сложилось, что этот язык для него сейчас становился попросту лишним. Вот он и начал практиковаться в рустинском.

Как ни странно, но работа его захватила. Он никогда не жаловался на плохую память, а потому содержание многих прочитанных книг крепко угнездилось в его голове. Тем более принадлежащих перу знаменитого фантаста девятнадцатого века, которыми он в свое время зачитывался, позабыв про еду и сон.

К концу морского путешествия он полностью изложил на бумаге текст переработанного романа, который им был озаглавлен как «Двадцать тысяч верстин под водой». Речь в нем шла о рустинском профессоре и о борьбе некоего аристократа с колониальной державой Валенсией, над которой никогда не заходило солнце.

Интересы Валенсии и Рустинии в Новом Свете пересекались, и это зачастую приводило к вооруженным конфликтам. В Старом Свете эти государства отстояли друг от друга далеко и не могли иметь общих границ. Но все же валийцев в Рустинии не любили из-за того, что те лили кровь их соотечественников там, за океаном, не забывая о заносчивости и

привычке нагло лезть в чужие дела со своими правилами.

Так что с этой стороны успех книге обеспечен. Но главное конечно же в необычности стиля и фантастичности самого повествования, с подробностями, о которых ученые могли только догадываться.

Разумеется, он понятия не имел, получится ли что-либо путное из этой затеи. Однако Алексей справедливо рассудил, что располагает немалым запасом средств, поэтому попробовать стоит. Не добьется успеха на ниве сочинительства – ничего страшного, попробует себя в другом. Правда, успеха добиться хотелось. Был у него пунктик, хотелось признания. Хотя бы в чем-нибудь. Там, на Земле, его постигла неудача.

Вернее, он оказался прав, и, если оставшееся по ту сторону прохода попадет в руки знающих людей, его имя станет известным... в узких кругах. Но если получится здесь и на ниве писательской деятельности... Ну кто из его современников не знает Жюль Верна? А тут Болотин мог занять эту нишу. Причем он ничего и ни у кого не украдет, ведь здесь нет знаменитого француза, как нет и иных известных писателей, чьими трудами он мог воспользоваться.

Справедливости ради нужно отметить, что у него не получалось копировать Жюль Верна, и дело вовсе не в том, что у них был абсолютно разный стиль изложения. Во-первых, буквально с первых строк вставал вопрос с названиями. Поэтому ему была прямая дорога в судовую библиотеку, которая, слава богу, оказалась достаточно разносторонней и рас-

полагала современными трудами. Знакомиться с окружающим миром посредством чужого языка было сложно, но он настолько увлекся, что перестал обращать внимание на эту сложность. Он просто принял это как данность – есть, и ладно.

Во-вторых, потребовалось побольше узнать о Валенсии, игравшей в повествовании немалую роль, ведь именно с ней вел непримиримую борьбу капитан Некто. И вообще, нужно было составить общее представление о политическом раскладе в мире, узнать кое-что о колониальных народах, ведущих борьбу с захватчиками, о том, как там обстоят дела в настоящий момент. Словом, собрать необходимую информацию, что без Интернета оказалось довольно сложно. Надо же, живя на Земле, он даже не представлял, каким подспорьем был Интернет, он им просто пользовался, и все.

Сильно пригодился уже имеющийся опыт работы с архивами, когда приходилось из массива документов вычленять нужную информацию. Он ведь не только случайно обнаружил ту старую рукопись, но и помогал в работе авторитетным лицам в области паранормальных явлений. Да и при работе над рукописью тоже перелопатил горы бумаги, хотя и безрезультатно.

На выходе получалось нечто похожее на известный ему роман «Двадцать тысяч лье под водой». Алексей больше акцентировал свое внимание на самом корабле, а не на глубинах океана. Он вообще старался указывать только не вызы-

вающее сомнений и имеющее четкое описание в книгах. Так, например, не найдя в справочниках моллюска идентичного наутилусу, он отказался от подобного названия и дал кораблю имя «Косатка».

Оценить, чего стоят его труды, он сумел еще будучи в пути. Ему посчастливилось познакомиться с семейством, отправившимся в путешествие в Старый Свет. Вернее, глава семейства направлялся в Рустинию по делам, семья же сопровождала его.

Так вот, однажды в беседе Алексей проговорился о своих начинаниях на ниве литераторства, и Хана, дочь господина Валича, прямо-таки загорелась ознакомиться с рукописью. Болотин, а теперь господин Дворжак, решил, что это может быть хорошим тестом, и представил свое творение на суд молодой особы.

Хм... Давненько ему не приходилось так краснеть. Девушка конечно же постаралась быть тактичной, все же воспитание никуда не денешь. Но и пары ее сдержанных замечаний по поводу грамотности автора, отчего невозможно оценить сочинение в целом, было вполне достаточно. Однако она сделала скидку на то, что господин Дворжак является иностранцем, и взялась провести правку. А вот когда она закончила...

Даже с учетом того, что текст полностью был выправлен ею же, девушка осталась под впечатлением. Она взяла шефство над начинающим и столь многообещающим автором.

Теперь четыре часа в день Алексей занимался тем, что постигал грамматику рустинского языка.

Отец Ханы отнесся было к этому с подозрением, но убедившись, что, кроме занятий, там, собственно, ничего и нет, успокоился. Ну скучно дочери, так что же с того. За ней пытались ухаживать кое-кто из пассажиров, но ни один не заинтересовал молодую особу, откровенно тяготившуюся их назойливым обществом. А тут увлеклась, ну и пусть ее.

Вообще-то еще лет тридцать назад о подобном общении не могло быть и речи. Однако век, насыщенный научными открытиями, и техническая революция сделали свое дело. Не сказать, что границы между сословиями в одночасье стерлись, но в значительной мере истончились. Во всяком случае, среди мещан появилась некая прослойка, которая в той или иной мере оказалась приближенной к дворянскому сословию, — дельцы, ученые, литераторы, чиновники. Так что, убедившись в невинности общения, господин Валич взирал на эти отношения вполне благосклонно, хотя и не терял бдительности.

Тем более молодые люди и не думали как-то особо уединяться и даже ничуть не смущались присутствием родителей или брата «учительницы». Разве только сам ученик при очередном конфузе заливался краской стыда оттого, что происходило это при свидетелях. Но тут уж он находил неизменную поддержку у главы семейства, и хотя в ней проскальзывало некое превосходство, Алексей предпочел не заострять

на этом внимание. В конце концов, сословное общество. Конечно, непривычно, но ничего смертельного.

Кроме того, Хана с жаром, присущим молодости, начала помогать господину Дворжаку в сборе информации. Пока ее ученик корпел над очередной главой, девушка выискивала в библиотеке интересные факты и что-нибудь необычное, что могло бы разнообразить повествование. Алексею оставалось подать все это в своей неподражаемой манере. Почему неподражаемой? А не писал так сейчас никто. Именно в этом заключалась немалая доля притягательности текста.

Вот так и вышло, что по прибытии в Рустинию у Алексея уже был готов роман, обещающий стать бестселлером. Немаловажно было и то, что Болотин пополнил свои знания рустинского языка, как письменного, так и разговорного. Разумеется, до абсолютной грамотности было еще далеко, но благодаря занятиям с по-настоящему образованной девушкой из-под его руки стали выходить по меньшей мере удобоваримые строки, а дальше можно нанять секретаря, который отшлифует текст.

И все же главное вовсе не это, а то, как воспримут его роман читатели. Алексей не хотел оказаться востребованным в узких кругах знатоков и ценителей. Ему нужно было признание широких масс. Ну хотелось стать известным. До колли хотелось.

Тем больше оказались опасения, когда владелец газеты поначалу отказался печатать главы из книги в разделе фелье-

тонов. Сам господин Коуба не был почитателем литературы и потому ничего особого в тексте не рассмотрел, а вот его деловая хватка не позволяла отвести под это дело целый раздел газеты. Решив пойти до конца, Алексей предложил газетчику заплатить за право опубликовать в газете первые главы романа. Щедро, надо сказать, заплатить. Да-а, давненько чутье так не подводило дельца.

Как выяснилось, страхи, как автора, так и господина Коуба, оказались напрасными. Да что там, после первой же публикации тираж газеты стал расходиться с молниеносной быстротой и превысил все рекордные показатели прежних времен.

Новинка оказалась настолько популярной, что на долгое время стала темой номер один в салонах и клубах. Читатели с нетерпением ожидали продолжения. Реакция самого газетчика оказалась прямо-таки молниеносной. Уже в середине дня, когда печатался второй тираж газеты, он навестил господина Дворжака и с искренними извинениями вернул ему его деньги и вручил честно заработанный гонорар.

Помимо успеха у светского общества и почитателей литературы новинка произвела фурор и в научных кругах. Многие передовые умы ринулись в атаку на писателя-выскочку, требуя его голову для трепанации. Однако Алексей предпочел никому ничего не доказывать и оставаться в стороне от поднявшегося вала критики и гневных заявлений. Равно как не появляться на глазах и у внезапно обретенных почитате-

лей.

Не будучи стесненным в средствах, он снял небольшую усадьбу в пригороде столицы, где и вел уединенный образ жизни. Его одиночество скрашивали слуги – супружеская чета с тремя малолетними детьми, занявшая флигель. А также секретарь, которого рекомендовал иностранцу, недостаточно свободно владеющему рустинским, теперь уже заботливый и предупредительный газетчик.

– Вообще-то я принес радостную весть, – сделав обиженную мину и с искренним негодованием глядя на Алексея, произнес Коуба.

– Вообще-то, господин Коуба, это вы выбрали столь официальный тон, хотя совсем недавно провозгласили себя моим другом. Так что потрудитесь не обижаться, когда вам платят той же монетой, – все так же стоя возле стола с разложенным на нем оружием, парировал Болотин.

– Ну и лукавый с тобой, ты все равно не испортишь мне настроение. – Газетчик бесшабашно махнул рукой и, быстро приблизившись, схватил руку Алексея, которую тот протянул для приветствия.

– Я так понимаю, что ты опять на коне, отчего и пребываешь в столь радостном расположении духа. Не так ли, Хонза?

– Именно, Шимон. Именно. Но не следует кивать только в мою сторону. Ты, между прочим, получишь ничуть не меньше меня.

Алексею просто повезло, что для осуществления задуман-

ной атаки у газетчика не оказалось достаточно средств. Ввиду того что они намеревались извлечь максимум выгоды из совместного предприятия, Коуба пришлось согласиться на равные доли от прибыли. Впрочем, даже при таком раскладе он был в барыше. Два тиража ушли буквально влет. Сейчас уже вышел третий тираж. Всего на этом предприятии им уже удалось заработать по десять тысяч крон, за вычетом всех накладных расходов и налогов, а ведь это было только начало.

В настоящее время уже был закончен очередной роман, который проходил огранку у секретаря. Судя по отзывам на первый роман и расходящимся тиражам «Плезненских ведомостей», «Таинственный остров» должен был произвести не меньший фурор.

– Неужели и третий тираж уже разошелся? – все же полюбопытствовал Алексей.

– Нет. Третий тираж все еще в продаже, и думаю, что пока мы достигли своего максимума. Если и можно будет говорить о последующих тиражах в Рустинии, то не раньше чем через пару лет.

– Ты сказал – в Рустинии?

– Ага-а, Шимон. Я знал, что ты заметишь мою оговорку.

– В чем суть?

– А суть в том, что ко мне обратились книготорговцы сразу из трех стран с просьбой свести тебя с ними для заключения договора об издании твоего романа за границей. А вот

это уже чисто твоя прибыль, дружище, и по-настоящему радоваться должен ты.

– Хонза, ты же знаешь мое условие. Я не хочу пока появляться на публике.

– И правильно делаешь. Твоя некая таинственность и витающие вокруг твоей личности небылицы лишь подогревают интерес читателей.

– Но тем не менее ты хочешь, чтобы я встретился с представителями иностранных издательств?

– Но иначе...

– Хонза, а где здесь твоя выгода?

– Моя... Шимон, ты в чем-то меня подозреваешь?

– Нет.

– Тогда чем вызван этот вопрос?

– Насколько я помню, у нас есть договоренность о доле каждого. Но тут получается, что ты попросту предоставляешь возможность заработать мне.

– Не можешь понять, где я тебя хочу обмануть?

– Вот только не надо обижаться. У меня и в мыслях не было тебя обидеть. Но раз уж так случилось, что ты занимаешься всеми моими делами, то справедливо, если ты будешь иметь свою долю и с подобных сделок. Поэтому я слушаю твои предложения.

– Шимон, я вовсе не собирался...

Разумеется, он не собирался, и Алексей ему в этом верил. Коуба был настоящим дельцом, способным видеть перспек-

тиву. Прошла всего лишь пара месяцев, как темная лошадка Шимон Дворжак выдал еще один фантастический роман, популярность которого ничуть не меньше, чем у первого. Пусть вначале их знакомства он и просчитался, хотя бы потому что не был в достаточной мере информирован в этой области. Но, едва осознав свою ошибку, он сразу же рассмотрел потенциал писателя. Сорвать по максимуму, обобрать как липку *один раз*, чтобы потерять все то, что может дать длительное честное сотрудничество, даже с половинной долей прибыли... Ну уж нет.

– Хонза, побойся Бога. Никто не говорит о том, что ты нечестен со мной. Но я считаю, что твоя доля в этом должна присутствовать, и прошу тебя назвать ее.

– Хорошо. Только чтобы не обижать тебя. Пять процентов. Именно столько будут стоять мои услуги как посредника.

– Предпочитаешь синицу в руках, Хонза?

– Да какая синица! Если бы ты не вел затворнический образ жизни и они знали, где тебя искать, то пришли бы непосредственно к тебе. И потом... Ты уж извини, но я буду честен, Шимон. Помимо того что ты мне по-настоящему симпатичен, я не хочу потерять вместе с твоей дружбой еще и возможность получать прибыль в последующем. Вот такой я прагматик, дружище.

– И этим нравишься мне куда больше, чем если бы начал лицемерить. За твои услуги как посредника ты полу-

чишь двадцать процентов. И это не обсуждается. Если считаешь, что такие мелочи тебя не интересуют, можешь пустить эти деньги на переоборудование типографии или расширение газеты.

– Ну не такие уж это и мелочи.

– Тем более. Кстати, а мы не можем наладить печать на иностранных языках?

– Отчего же, можем. Вот только нам не дадут развернуться. Там хватает и своих издателей, и их поддерживает государство, как и у нас. Пустая затея.

– Значит, нам остается лишь Рустиния и колония в Новом Свете?

– На большее рассчитывать не приходится. Может быть, потом, когда твоя популярность значительно вырастет, но не сейчас.

– А что, если нам начать выпускать дешевые издания? Построить большую типографию и печатать не только мои книги, но и других авторов по самым низким ценам?

– Ты представляешь, во что это выльется?

– Думаю, что это будет дорого.

– Очень дорого.

– Но мне кажется, что это окупится и принесет если не больше, то уж не меньше прибыли. И тогда мы получим вдвое против прежнего. Подумай, сколько крестьян и рабочих попросту лишены возможности покупать книги из-за их дороговизны. К тому же не думаю, что его величество не

поддержит подобное начинание. Сегодня бедноту приходится чуть ли не в принудительном порядке заставлять учиться грамоте. Но если появятся книги, доступные всем слоям общества, это послужит лишним стимулом для повышения грамотности. Людям, а в первую очередь детворе придется выучиться, чтобы иметь возможность окунуться в мир книг.

– Нужно подумать и посоветоваться. Что-то такое в твоих словах есть. Определенно есть. Слушай, а к чему все это? Или тебе просто нравится стрелять? – сменил тему газетчик, указывая на заваленный оружием стол.

Разговор происходил в саду, где Алексей устроил себе стрельбище и ежедневно тренировался в обращении с оружием. Прислуга только осуждающе покачивала головой, видя такое транжирство. Стрелял Болотин много и часто. Разумеется, здесь патроны были дешевле, чем в Новом Свете, и все же удовольствие влетало в копеечку, или скорее в гнедок, но Болотин был уверен, что оно того стоит.

Вот и в момент появления господина Коуба он как раз расстрелял очередной барабан револьвера, а перед этим было два магазина карабина. Кстати, ведя беседу, он снаряжал свой арсенал, готовясь снова подвергнуть мишени обстрелу.

– Стрелять мне и впрямь нравится, но дело даже не в этом, Хонза.

– А в чем же?

– Понимаешь, за свои не такие уж и большие годы я вдруг понял, что умение владеть оружием и обладание им вовсе не

блажь, а порой вопрос выживания.

– Ты это почерпнул в своих путешествиях?

– Именно.

– И тебе приходилось убивать?

– Граница с пинкской территорией не то место, где можно этого избежать, Хонза. Всякое бывало.

– Но теперь ты в цивилизованных краях.

– Это так. Но ведь ни в чем и никогда нельзя быть уверенным. Кто знает, куда в следующий раз занесет меня судьба. Будет просто великолепно, если это умение мне никогда не пригодится. Но если случится... Лучше быть готовым, чем потом кусать локти. Тем более сегодня я могу себе позволить подобное увлечение, которое, и я на это искренне надеюсь, никогда не понадобится мне на практике.

Дверь отворилась, впустив в конторку шум типографии. Не сказать, что работа машин не была слышна и раньше. Даже качественно изготовленные двери с двойным остеклением способны лишь приглушить этот неистребимый звук. И все же этого вполне достаточно, чтобы можно было разговаривать, не напрягая голосовые связки, и без особых усилий слышать собеседника.

Коуба не выказал неудовольствия тем, что его побеспокоили. Он использовал данную конторку только для осуществления рабочего процесса. Побеспокоить здесь его могли непосредственно по делу или посыльный, если нужно бы-

ло перейти в другой кабинет.

Таковой имелся на втором этаже, куда шум практически не доходил. Там владелец газеты вел переговоры, проводил деловые встречи и принимал посетителей. На том же этаже находились рабочие места главного редактора, его помощников и репортеров. Это позволяло им работать в относительной тишине. Им необходимо было сосредоточиться, а потому Коуба постарался обеспечить их отдельными каморками, где бы их никто не отвлекал. У него солидное издание, а не какая-то вшивая газетенка, где позволительны грамматические ошибки, опiski и тому подобные безобразия.

Раз уж кто-то решил посетить его здесь, в небольшой конторке, непосредственно в типографии, значит, того требует дело. А дело прежде всего. Это устоявшаяся традиция, а потому никто и ни за что не осмелится беспокоить его просто так.

Не отрывая взгляда от лежащих перед ним листков, Коуба сделал неопределенный жест рукой, который означал – закрой дверь и жди. Он не любил отвлекаться во время работы. Сейчас он знакомился с гранками статьи и старался понять, насколько увлечет читателя написанное и увлечет ли вообще. Кроме стилистики, необходимо было свежим взглядом окинуть сам набор текста. Нет ли ошибок.

Все это уже проделали главный редактор и корректор. Коли уж текст прошел через них, теперь пришел его черед. Только многократная и независимая проверка одного текста

несколькими людьми позволяла выявить ошибки и добиться получения того продукта, который без стыда можно подавать читателям.

Разумеется, он, как владелец газеты, мог этого и не делать, поручив все своим подчиненным. Однако он всегда придерживался неизменного правила: хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам. И потом, ему по-настоящему нравилось то, чем он занимался.

Наконец текст прочитан. Необходимые пометки и исправления сделаны. Ничего критичного, так, мелкие недочеты. Сверху ложится его подпись. Гранки переключиваются в отдельную папку. Взгляд поднимается на посетителя... О боже!

Газетчик поспешно поднимается из-за стола, всем своим видом выражая растерянность и бог весть что еще. Визит полковника гвардии в парадном мундире, при орденах никак не может его обескуражить. Вот только не в том случае, когда на эполетах этого полковника имеется вензель его высочества Элиаша из рода Моравик, кронпринца Рустинского королевства. И этому человеку, адъютанту его высочества, он сделал неопределенный жест рукой?! Оставалось лишь удивляться, как тот вообще не взбесился и не разнес конторку этого зарвавшегося газетчика-мещанина.

– Господин полковник... – чувствуя, как на лбу выступает испарина, залепетал Коуба.

– Господин Коуба? Владелец «Плезненских ведомостей»?

– Д-да, господин полковник. Я прошу прощения. Эту конторку я использую для работы по правке гранок. Я не ожидал, что... Визитеров я принимаю в другом кабинете. Я...

– Полноте, господин Коуба. Я, как и кронпринц, предпочитаю работать в куда более скромных помещениях, нежели апартаменты, предназначенные для официальных приемов. Так что ничто не ново под луной.

– Но...

– И не стоит устраивать взбучку вашему секретарю или еще кому бы то ни было. Узнав, что вы находитесь здесь, я попросил препроводить меня сюда и не позволил поставить вас в известность. Признаться, увиденное меня искренне порадовало. Всегда приятно наблюдать за работой человека, по-настоящему знающего свое дело. Терпеть не могу выскочек и позеров. Один только этот визит позволяет сделать однозначный вывод, что ваша газета по праву является передовым изданием королевства.

– О-о, не знаю, достойны ли мы вашей похвалы.

– Мы?

– Ну да, – растерянно ответил Коуба, – я и сотрудники моей газеты.

– Вы отождествляете себя со своими работниками?

– Но... Как же иначе? Я владелец, это так. Однако каждый из работающих в этом здании вносит свой вклад. Кто-то меньший, кто-то больший, но без маленьких и неприметных глазу винтиков машина не станет работать.

– Вы мне нравитесь, господин Коуба. Определенно нравитесь. А потому дам вам один совет. Держите себя столь же достойно при встрече с кронпринцем, и его благосклонность вам гарантирована.

– Благодарю, господин полковник. При встрече с кр... – Коуба непроизвольно осекся, выпучив от удивления глаза.

– Его высочество приказал мне передать вам приглашение во дворец, а также сопроводить вас. У него появилось «окно» в полдень, и он хотел бы с вами увидеться.

– Увидеться со мной? Во дворец?

– Господин Коуба, он ваш кронпринц, будущий король Рустинии, но вовсе не небожитель, чтобы реагировать подобным образом.

– Я... я... Конечно... Да, вы правы... В полдень?... – Коуба в растерянности посмотрел на настенные часы, стрелки которых показывали четверть двенадцатого. – Но я...

– Господи, да успокойтесь же вы. Это не официальный прием, а рабочая встреча. Достаточно, если вы будете опрятны и обойдетесь без пятен типографской краски. Поверьте, кронпринц прост в обхождении, у него вовсе нет клыков и уж тем более намерений разорвать вас, как хищник свою добычу.

Полковник, прекрасно осознавая, какое впечатление на мещанина может произвести подобная весть, держался спокойно, с достоинством и вместе с тем излучал доброжелательность. Словом, нет и намека на высокомерие, хотя он по

праву мог себе это позволить.

– И еще. Надеюсь, вам не составит труда известить господина Дворжака, это приглашение распространяется и на него.

– То есть его высочество хочет видеть нас двоих?

– Именно это я и говорю.

– Но... Дело в том, что господин Дворжак предпочитает уединение и проживает в загородной усадьбе, которую арендует. При всей поспешности путь только в один конец займет не меньше часа.

– А вот это неожиданно. Отправьте за ним кого-нибудь. Надеюсь, есть те, для кого место его проживания не является тайной?

– Да, разумеется. Я немедленно извещу его о приказе кронпринца.

– О приглашении.

– А разве разница столь уж велика? – Коуба явно уже избавился от своей растерянности и быстро приходил в себя.

– Разница есть, но вы правы, она незначительна. Пока вы собираетесь, не могли бы вы попросить кого-нибудь провести мне экскурсию по вашей типографии?

– Конечно.

– И еще. У вас уже имеются первые экземпляры новой книги господина Дворжака? Отлично. Прихватите с собой четыре экземпляра. Удивлены?

– Нет, что вы. Я немедленно обо всем позабочусь.

Следующие три четверти часа были чуть ли не самыми тяжелыми в жизни газетчика. Перво-наперво он озаботился досугом ожидающего его адъютанта. Потом отправил своего секретаря за Шимоном. Не раздумывая, он вручил ему десять крон, велел нанять любого извозчика, лишь бы тот оказался быстр и лих, как сам Сатана. Когда Коуба привел себя в порядок, на его столе уже лежали заказанные экземпляры, упакованные в оберточную бумагу.

Потом был путь во дворец. Странное дело. Ему приходилось бывать в весьма пышных особняках. Он был готов поклясться, что парочка из них по величию, богатству отделки и убранства ничуть не уступали, а пожалуй, и превосходили бы королевскую резиденцию. Однако своды дворца произвели на него неизгладимое впечатление, и им едва опять не овладела паника. Но все же он сумел взять себя в руки.

Полковник не обманул, кронпринц предпочитал работать в довольно скромном кабинете со столь же неамбициозной приемной, отделанной гладкими панелями темного дерева. Никакой вычурности, хотя и великолепная работа. Вполне обычного вида рабочий стол адъютанта, правда, чуть больших размеров и, разумеется, отличного дерева и полировки, а столешница обтянута превосходным зеленым сукном. Стулья неброские, но мягкие и с удобными гнутыми спинками. Словом, здесь все было направлено не на показуху, а на комфортабельность в работе.

– Кронпринц просит вас обождать, господин Коуба. Он

немного расстроен, что вы не смогли прибыть вместе с господином Дворжаком, – выйдя из кабинета, сообщил адъютант.

– Так, может, тогда он назначит другой день?

– В этом нет необходимости. Он просил вас заверить, что непременно найдет «окно» в течение дня. Прошу вас, присядьте.

Примерно через час в приемной появился и Дворжак. Секретарь просто превзошел себя, выполняя приказ своего патрона. По счастью, писатель оказался дома и не стал мешкать. Разумеется, поспеть вовремя на аудиенцию они не смогли, но тут уж их личной вины не было.

Коуба не без интереса наблюдал за Дворжаком. Какая выдержка у этого молодого человека. Видно, что он проявляет любопытство, осматриваясь, но выглядело это несколько странно. Подобным образом ведут себя посетители музея или выставки. Никакого благоговения, испытанного самим Коуба, у Шимона Дворжака не было и в помине.

Газетчик был и прав и не прав одновременно. Алексей и впрямь не испытывал особых чувств по поводу его вызова к кронпринцу. Что поделать, дитя бессословного общества, он ровно относился к таким вещам. Ну имеет человек высокий титул, ну и что с того.

Тут скорее даже наоборот, в нем сразу срабатывал защитный механизм. Чем таким особым отличается титулованная особа от него? Да ничем. Деньги? Можно без труда найти

целую кучу дворян, доходы которых куда как скромнее его собственных. Совсем иное, если ты имеешь дело с умным человеком, или с лидером, или же с тем, кто способен внушить к себе уважение с первого взгляда.

Вот взять его покойного друга Сергея Варакина. Простой деревенский парень, с упрямым и даже где-то упертым характером. Он никогда не имел избытка в деньгах. Особыми талантами или умом не выделялся. Но вот уважение к себе внушал с первой встречи, потому что в нем можно было рассмотреть некий стержень.

Так что окажется кронпринц умным и прозорливым человеком, Алексей станет его уважать. Нет – на нет и суда нет. Естественно, хамить не станет, но и лебезить не будет. А лучше вообще держаться от сильных мира сего подальше. Целее будешь. Мало ли что в его высокопоставленную башку взбредет.

Хотя он и старался не подавать виду, по-настоящему его волновало только одно. Придуманная им легенда была вполне приемлема для обывателей, а вот как она покажет себя на таком уровне, куда он, собственно, никогда не стремился, это вопрос. Того, что каким-то образом стало известно о его преступлении в колонии, он не опасался. Будь так, и им занималась бы полицейская управа, но никак не кронпринц. Но лицо, допущенное к общению с представителем королевского двора, не может не вызвать интереса, хотя бы для обеспечения безопасности.

И какого черта его сюда вызвали? Интересно, а сколько лет этому самому кронпринцу? Возраст, он, знаете ли, играет немаловажную роль. Может, ему только семнадцать и он просто зачитывается романами в одночасье ставшего популярным писателя? Тоже возможно. Озаботиться же заранее и узнать возраст Элиаша было трудно. Кретин. Ладно, чего теперь-то.

Спустя примерно еще час ожидания адъютант был вызван в кабинет. В приемную он вернулся минут через пять и, встав в стороне от открытой двери, пригласил посетителей пройти. Когда газетчик и писатель прошли в кабинет, он последовал за ними.

Как и ожидалось, рабочий кабинет богатством убранства недалеко ушел от приемной. Обычно эти два помещения идут в ногу и одно обязательно соответствует другому. Конечно же кабинет был раза в четыре больше, вдоль одной из стен, под самый потолок, книжные шкафы, где кроме книг были заметны и папки с какими-то бумагами. Стол и стулья точно такие же, как и в приемной, разве только первый превосходил размерами адъютантский, а вторых было больше. На двух стрельчатых окнах прозрачные занавеси. Есть и плотные шторы, скорее всего способные погрузить кабинет в темноту, но они сейчас раздвинуты. На полу толстый ковер, скрадывающий шаги. На таком, пожалуй, и спать комфортно. Разумеется, не всем. Но Алексей, вкусивший походной жизни, вполне этим удовлетворился бы.

– Рад вас приветствовать, господа.

Кронпринцу лет двадцать пять, не больше. Хм... Есть в нем какое-то сходство с Сергеем. Такой же высокий, крепкого сложения, светловолосый. Эдакий здоровый, ядреный сибирский мужик. Хотя... Нет, фигура у него более ладная, как видно, он не чужд гимнастики и иных тренировок, призванных закалять тело.

– Ваше высочество, – одновременно произнесли посетители.

Алексей, практически профан в этикете, постарался в точности скопировать почтительный, но без раболепства поклон Коуба. Вроде получилось. Или нет? Во всяком случае, неудовольствия со стороны кронпринца нет, значит, не все так плохо.

– Не обессудьте, что мне пришлось воспользоваться своим положением и вызвать вас сюда. Но поверьте, у меня просто не было иного выхода. И кстати, виной тому поведение уважаемого господина Дворжака.

А ничего так. Вполне нормальный молодой человек, вроде пока без высокомерного апломба. Разумеется, он не бросился пожимать им руки, но, с другой стороны, приветствуя их, привстал. Разговаривает по-простому. Вот еще и жест, приглашающий присесть. Алексею, конечно, это импонирует, но беглого взгляда на Коуба достаточно, чтобы понять – тот находится на грани паники. Все же сословное общество – это нечто. Алексей однажды был свидетелем того, как Хонза

легко и с достоинством вел беседу с графом. Но королевская семья – это все же иная ипостась.

– Простите, ваше высочество, но что в моем поведении могло вызвать ваше неудовольствие? – произнес Алексей.

– Разве я говорю о неудовольствии?

– В таком случае, чем моя скромная персона могла вызывать ваше любопытство?

– Хм... Дворжак... Фамилия, как и имя, рустинские, но ваш акцент... Я даже не возьмусь определить, к какому региону можно его отнести.

– Крестовые горы на берегу Срединного моря.

– Да уж, задачка. Насколько мне известно, исторически сложилось так, что там просто великое множество различных народностей, как и языков.

– Совершенно верно, ваше высочество. Например, мой народ уживается в селении в одной из многочисленных высокогорных долин. Фактически только семь семей, а общая численность не превосходит трех сотен человек.

– И что за народность?

– Русские.

– Никогда не слышал.

– Ничего удивительного. Насколько мне известно, даже жители гор не знают всех поселений, а остальные... Ну кому интересны бедные и ничем не примечательные, за исключением гибельных скал и ущелий, места. Там до сих пор живут сами по себе, и ни одно государство не зарится на данную

территорию.

– Да, мне знакома ситуация с Крестовыми горами, где берега настолько опасны, что нет ни одной сколь-нибудь пригодной гавани. Бедные народы, живущие в средневековье.

– Все именно так, ваше высочество. Впрочем, возможно, что-то и изменилось.

– ?

– Я покинул родные места около пятнадцати лет назад. Так уж сложилась судьба.

– Было бы интересно послушать вашу историю, господин Дворжак.

– Да мне в общем-то и рассказать нечего, хотя на мою долю и досталось приключений с избытком. Если коротко, то представители враждебного рода попросту захватили меня, когда я необдуманно отдалился от нашего поселения, и продали в рабство. Мне тогда только двенадцать было. Я кочевал из одного селения в другое, пока меня не купил торговец из Садана. По дороге мне удалось бежать. Я попал на один из кораблей, который по счастливой случайности направлялся в Новый Свет. Так я оказался в Новой Рустинии. Потом был бродяжкой. Когда подрос, то решил, что нужно как-то устроиться в этой жизни, и записался вольноопределяющимся на границу. После службы получил гражданство. Но это известная практика в Новой Рустинии.

Кронпринц согласно кивнул, ему было известно об этом.

– После армии, – продолжил Алексей, – бродил по пригра-

ничной территории, батрачил, нанимался охранником. Словом, жил как придется и понемногу копил деньги. Однажды мне повезло. Когда отбивали очередное нападение пинков, я подстрелил воина, и на его шее было ожерелье, где присутствовали не только клыки и когти, но и стеклянные бусины. Две из них оказались алмазами.

– Никогда не слышал об алмазах в Новом Свете, – встретился кронпринц.

– Я тоже, ваше высочество. Но это были не алмазы в чистом виде, а серьги. Вероятно, этот дикарь снял их с ограбленной дамы, но, не зная истинной ценности, повесил на свое ожерелье. Собственно, именно по этой причине я и не выбросил их, предположив, что смогу получить за них пару сотен крон. Серьги потянули на весьма приличную сумму. Подозреваю, что меня здорово надули, но и этого для меня было с избытком. Потом на моем пути повстречался разорившийся игрок на бирже, который сумел увеличить мое состояние и сам вылезти из долговой ямы. Я уж посчитал, что моя жизнь наладилась, но у бедолаги случился сердечный приступ. Мне опять пришлось менять свой образ жизни, так как в биржевых операциях я ничего не смыслю, да и делец из меня не выйдет. Вот я и решил начать с того, чтобы посетить Старый Свет.

– Но вы производите впечатление образованного человека. Иначе просто не может быть, если вспомнить ваш роман.

– Ну а чем мне было заниматься, пока деньги зарабатывал

другой? Вот я и подвизался читать, найдя это занятие весьма привлекательным. Так что все мои познания весьма поверхностны. Мне всегда говорили, что я хороший рассказчик, и я решил попробовать себя на этом поприще. Признаться, больше оттого, что во время путешествия через океан мне просто нечем было заняться.

— А как насчет слухов о том, что вы вложили свои деньги в издание вашей книги?

— Это правда, и это был риск с моей стороны, который, к моей радости, увенчался успехом.

— А если бы нет?

— Я давал кое-кому почитать свою рукопись еще на корабле, и оценка была довольно высокой. Поэтому шансы на успех все же были. Разумеется, я проявил самоуверенность, но не на пустом месте. И потом, всего лишь пять лет как я из перекасти-поля превратился в респектабельного господина, так что не пропал бы. К тому же я вложил в это не все деньги, оставив некий запас на черный день.

— И все же вы рисковали.

— Несомненно. Но иначе у меня ничего не получилось бы. Кто я такой, чтобы тягаться с маститыми и именитыми писателями? Узнать, могу ли я иметь успех, можно было, только лично профинансировав это предприятие.

— А к чему такая таинственность?

— Согласитесь, что любопытство это серьезный стимул. Вот, например, многие ли маститые писатели были удостое-

ны чести оказаться у вас на приеме?

– Да уж, здесь сложно вам возразить, – не сдержавшись, улыбнулся кронпринц Элиаш. – И кстати, возможно, вы и не делец, но хватка у вас есть.

– Благодарю, ваше высочество.

– А как так получилось, что вы иностранец, а имя и фамилия вполне рустинские?

– Просто при оформлении паспорта мои данные записали на рустинский манер. Раз уж я решил связать свою жизнь с Рустинией, это показалось мне логичным. – Это тоже была обычная практика, которая не могла вызвать особого удивления кронпринца.

– Вы уж не обижайтесь, господин Дворжак, но я не любитель современной литературы. Мне ближе все же классики. Поэтому вашу книгу я прочел, наверное, один из самых последних. Однако не могу сказать, что она меня не заинтересовала, в частности в плане развития флота. Хотя многие и утверждают, что это всего лишь дорогие игрушки, но флот королевству жизненно необходим.

– Вас заинтересовали подводные лодки, ваше высочество?

– Многие считают это баловством еще большим, чем надводные корабли.

– Но насколько мне известно, подводные лодки уже поступают на флот.

– Их можно пересчитать по пальцам, причем одной руки, а их эффективность... Ваша «Косатка» просто фантастична.

Если бы Рустиния имела хотя бы десяток таких кораблей... Отчего вы взялись писать именно об этом?

— Потому что идея витает в воздухе. Ее просто не могут рассмотреть. Да и пути решения, отличаясь оригинальностью, на мой взгляд, ошибочны.

— Вот именно ваш взгляд меня по-настоящему и заинтриговал. Собственно, именно поэтому я и взялся за чтение. Вы действительно считаете, что изложенное вами имеет право на существование? Многие ученые откровенно высмеивают ваш роман и ваши взгляды.

— Это одна из причин, почему я не желаю появляться на публике. Вступать в спор с маститыми учеными мне, человеку, не имеющему даже нормального начального образования... Меня распнут и выставят на всеобщее обозрение в самые кратчайшие сроки.

— Признаться, я полагал, что вы все же имеете неплохое образование или общались с каким-нибудь непризнанным гением, потому как книга написана весьма толково.

Было понятно, что кронпринц имеет в виду техническую составляющую романа. Подводные лодки, даже те, что состояли на вооружении, на сегодняшний день представляли собой поделки очумелых ручек. Разумеется, на взгляд Алексея. Технические возможности для того, чтобы создать нечто более эффективное, имелись, но пути решения этой задачи были самыми замысловатыми. Одни лодки приводились в движение мускульной силой, другие с использовани-

ем машин и сжатого воздуха, были и с электрическими двигателями. Но все это было весьма маломощным и неспособным преодолеть хоть сколь-нибудь большое расстояние, и уж тем более не приходилось говорить о скорости, которая в лучшем случае измерялась парой мер¹. Максимальная же глубина, доступная им, не превышала и десятка метров.

Как видно, Элиаш посчитал, что господин Дворжак разбирается в этом вопросе и может предложить какой-то конкретный, хотя и необычный путь решения. Однако, к своему сожалению, обнаружил, что имеет дело с обычным мечтателем. Он был разочарован. Это стало заметно, едва Алексей начал излагать свою легенду. Человек ниоткуда и, как выяснилось, никто. Пустышка.

Не сказать, что это смутило Болотина. Да, он хотел оставить после себя след. Мало того, взявшись за роман, он надеялся не только прославиться в мире Глобуса, но еще и оставить некое послание, на случай если контакт с Землей все же состоится. Но, видя, как поменялось к нему отношение наследника короны, он вдруг закусил удила. Какого черта! Да, он не ученый, но и не пустышка! Йок макарек! Присказка Сергея сама собой всплыла в мозгу, и он приосанился, приняв самый решительный вид.

– Не спешите разочаровываться, ваше высочество. Я конечно же не имею специального образования, но, как утвер-

¹ **Мера** – единица измерения скорости судов, соответствующая земным узлам и составляющая 1/10 верстины.

ждали многие мои знакомые, обладаю интересной способностью видеть очевидные вещи, на которые никто не обращает внимания. Пусть мне не под силу решить технические вопросы, но я могу безошибочно указать направление. «Косатка» – это фантастика, на сегодняшний день это так. Но кто сказал, что это невозможно? Разумеется, получение практически неиссякаемого источника энергии за счет некоего минерала, который капитану Некто удалось обнаружить в кратере вулкана, – это чистой воды вымысел. Нельзя утверждать, что подобное невозможно в далеком будущем, но в ближайшую пару сотен лет это точно неосуществимо. Но ведь на эту проблему можно взглянуть и под другим углом и в несколько упрощенном виде.

– То есть у вас все же имеется какая-то идея?

Было заметно, что кронпринц спрашивает больше из-за желания продолжить беседу, а не по-настоящему заинтересовавшись словами Алексея. Болотину было непонятно, отчего тот тянет время, но решил воспользоваться ситуацией.

– Скажем так, я вижу некую принципиальную схему подводной лодки. Если вам это интересно...

– Извольте.

– Вы позволите воспользоваться листком бумаги и карандашом?

– Пожалуйста.

Алексей быстро нарисовал нечто похожее на сигару и разделил ее на несколько частей. После чего приступил к пояс-

нениям:

– Итак, что имеет место сегодня? Лодки погружаются под воду посредством заполнения цистерн водой. Всплытие осуществляется путем откачки воды из цистерн помпами.

Утвердительный кивок явно заскучавшего кронпринца. Адьютант, находясь за его спиной, позволил себе даже легкий зевок, прикрыв рот ладонью. Алексей немного запаниковал и хотел было отказаться от своей затеи, но набылчился и продолжил:

– Если в лодке расположить резервуары со сжатым воздухом, то при открытии клапана он сам вытолкнет воду из цистерн и лодка всплывет, так как давление в резервуарах превысит давление воды. Экономятся силы и время. Разумеется, чем глубже погружение, тем больше должно быть давление. Это первое, что я вижу. Далее, относительно движителя. В романе я описываю электрический двигатель. Сегодня подобное применяется, однако заряд аккумуляторов небесно-нечен, а потому запас хода весьма мал. В романе вместо аккумуляторов я применяю неиссякаемый источник питания, но в реальности такое невозможно. Во всяком случае, пока. На мой взгляд, выход достаточно прост. К примеру, вот в этом отсеке располагается двигатель внутреннего сгорания, какой не важно, это детали. Главное, что ему не нужны топки и паровые котлы. Далее, вот здесь отсек, где располагается электрический двигатель, способный работать в двойном режиме – непосредственно как электромотор и как генера-

тор. А вот здесь большие аккумуляторы. Когда лодка идет в надводном положении, она использует двигатель внутреннего сгорания, который одновременно заряжает аккумуляторы посредством электромотора в режиме генератора. Когда лодка погружается, в дело вступает электродвигатель. В надводном положении конечно же скорость хода будет значительно выше, чем в подводном, но запас хода увеличится в разы.

– Но на сегодняшний день эти газовые, угольные и бензольные двигатели весьма слабы, чтобы справиться с подобной задачей. А электромоторы, способные работать в двух режимах, и вовсе не существуют, – возразил кронпринц.

– Ваше высочество, я только говорю о том, что такое возможно. Пути решения мне, разумеется, неизвестны, но ведь и паровые машины когда-то были куда слабее сегодняшних. А что касается электромоторов двойного назначения, то, на мой взгляд, их никто не разрабатывает ввиду отсутствия спроса на подобные изделия.

– Но размеры такого корабля должны быть сопоставимы с вашей «Косаткой», и даже больше. Ведь в романе вы не рассматриваете такой вопрос, как запас топлива.

– Уверяю вас, размеры получатся куда скромнее, а вот насчет отдельных рабочих кабинетов, просторной библиотеки, отдельных кают и огромных иллюминаторов, способных сдерживать давление забортной воды, придется позабыть. Там будет очень тесно, и скорее всего для экипажа останется очень мало места. Люди будут буквально на головах друг у

друга, команда вряд ли превысит пару десятков человек, и каждый из них должен будет владеть не одной специальностью. Но разве это может быть интересно читателю?

– Но получить большой запас хода все одно не получится.

– Как говорится, все познается в сравнении. Конечно, «Косатка» – это великолепно, но если отталкиваться от сегодняшних реалий... – Алексей даже выставил перед собой руки, подражая чашам весов.

– Боюсь, ученые мужи с вами не согласятся и найдут множество доводов против, – задумчиво покачав головой, произнес откинувшийся на спинку стула кронпринц.

– Ваше высочество, человечество не так давно начало строить железные дороги, всего-то лет тридцать прошло, хотя первые паровозы появились чуть не сто лет назад, – пылко возразил Алексей, подаваясь вперед. – Их изобретателям тоже не верили, и вполне себе маститые ученые драли глотку, доказывая бесперспективность и невозможность... Но что мы видим сегодня?

– В то время металлурги были не в состоянии удовлетворить потребности, и промышленная база была не столь совершенна.

– Если бы правители видели в этом выгоду и перспективы, то не думаю, что это их остановило бы. Но они верили выводам именитых ученых. Сегодня строительство железных дорог в Новом Свете обходится весьма дорого, но они строятся, неся прогресс на дикие территории. Я сам наблюдал, как

меняется жизнь с их появлением. Никакого сравнения с тем, что было буквально несколько лет назад. А происходит это по той причине, что правительства видят в этом необходимость для дальнейшего развития. И разве не появление первых железных дорог подстегнуло промышленность, выведя ее на новый уровень?

– Значит, вы уверены, что вот такая схема будет работать? – Не меняя позы, кронпринц взглядом указал на исчерченный листок на своем столе.

– Абсолютно. Я скажу больше. Тот, кто сегодня начнет рассматривать именно такую схему, впоследствии опередит остальных. Разумеется, если будет постоянно развиваться, а не удовлетворится достигнутым. Если разработки будут проводиться не энтузиастами, не способными подкрепить свои идеи денежными средствами, а под контролем и при финансовой поддержке правительства, то результат, несомненно, будет.

– Предполагаю, что это будет весьма дорогой проект. Здесь потребуется множество разработок в различных областях.

– Да. А еще будут неудачи, разочарования и даже гибель людей. Но опять-таки это только мой взгляд на будущее. Ничем не подкрепленный, кроме моего видения. Но... Мы с вами достаточно молоды, а потому еще увидим, что прав был именно я.

Убежденность Алексея вроде бы оказала какое-то влия-

ние на кронпринца, и в его взгляде появилась задумчивость. Что же, если слова писателя упадут на благодатную почву, то Рустиния вполне имеет шансы избежать роли аутсайдера в строительстве подводного флота.

Болотину нравились рустинцы. Чем дальше, тем больше он видел их схожесть со славянами, а потому ему было бы приятно, если это королевство будет в числе лидеров. Уже сегодня здесь наблюдались высокие темпы развития практически во всех областях, что в условиях абсолютной монархии говорило о весьма дельном правителе. Судя по тому, что Алексей мог вынести из их разговора, наследник ничем не уступит королю, а значит, и при последующем правлении королевство ждет неуклонное движение вперед. При счастливом стечении обстоятельств это около пятидесяти лет в условиях бурно развивающейся промышленности и все новых открытий. Не так уж и плохо.

– Отчего же вы тогда не описали свою «Косатку» более приближенно к тому, что сейчас поведали мне? – внимательно глядя на собеседника, поинтересовался кронпринц Элиаш.

– Потому что тогда капитану Некто как минимум потребовалось бы судно, способное обеспечить его топливом, и оно должно было бы повсюду его сопровождать. Но и его цистерны не бездонны. Ну и где бы они пополняли запасы топлива? И потом, укажи я это, ученые мужи накинулись бы на меня с не меньшим пылом и жаром. А еще... Это реальное

и перспективное направление, и за эту идею мог ухватиться какой-нибудь прозорливый ум. Не факт, что у него что-нибудь получилось бы, но ведь это нельзя просто так отметить.

– Но мне вы об этом говорите.

– Я подданный рустинской короны, ваше высочество, а вы наследный принц. По-моему, различие между озвучиванием идеи на весь свет и вам весьма существенно.

– Я вижу, что вы прямо-таки убеждены в своей правоте.

– Я – да. Но вот поверите ли вы в мои бредни, решать вам.

– А эти ваши самодвижущиеся мины?

– И это вполне реально, ваше высочество. И даже на современном уровне развития техники. Двигатели, работающие от сжатого воздуха, уже используются на нескольких образцах подводных лодок, и далеко не только в Рустинии.

В этот момент в дверь постучали, и кронпринц, прервав беседу, позволил новым посетителям войти. При этом он бросил укоризненный взгляд на адъютанта, в ответ тот виновато вздохнул. Впрочем, Алексей без труда уловил, что наказания за свой проступок он отчего-то не ожидает. С другой стороны, кто мог осмелиться потревожить кронпринца, не дождавшись предварительного доклада его адъютанта? Уж точно тот, кто не боялся вызвать неудовольствие наследника короны.

А это еще что за делегация? Нет, судя по возрасту, это не дети принца. Но тогда... Однако! Если за пределами королевского дворца станет известно об этом событии, то попу-

лярность Шимона Дворжака взлетит до небес. Очень многие представители высшего света захотят или будут вынуждены прочесть его роман, чтобы в беседе с членами королевской семьи быть как минимум в теме. И так по ниспадающей, ведь круг их общения не ограничивается королевским двором.

Алексей бросил мимолетный взгляд на газетчика и по огоньку в его глазах понял, что не ошибся. Вот у кого была по-настоящему деловая хватка, так это у Коуба. Он конечно же предполагал нечто подобное, когда ему сказали прихватить четыре экземпляра только что напечатанной книги, но лишь сейчас осознал, насколько удачно все складывалось. Алексей же, признаться, не обратил особого внимания на сверток в руках компаньона.

В кабинет вошли трое. Белокурая девушка лет восемнадцати, в легком бледно-розовом платье с завышенной талией, что сейчас были в моде. И два подростка, лет четырнадцати и пятнадцати, светловолосые, как и все представители королевской семьи, кроме выделяющейся на общем фоне матери. Та как раз была темноволосой, а вот король... силен мужик, если все детки удались в него. Впрочем, возможно, и не все, насколько знал Алексей, в настоящий момент в королевской семье здравствовали шестеро из десяти детей, остальных призвал Господь. Ну не могли они быть никем иным. Уж больно похожи.

Девушка сделала книксен, задержав взгляд сначала на Коуба, а затем переводя его на Алексея. Было видно, что ей по-

ка не понятно, кто из них кто, но она прекрасно владела собой и не подавала виду. Чего не скажешь о ее братцах – те смотрели во все глаза, попеременно переводя возбужденные взгляды с газетчика на писателя и обратно, силясь понять, кто из них является желанной добычей, а кто просто довеском.

– Господа, вот, собственно, основная причина, из-за которой я вас побеспокоил, – заговорил кронпринц, обращаясь к Болотину и Коуба. – Сестренка, не стоит метать в меня молнии. Ни капли лжи, ведь именно ты была инициатором этого приглашения. Все-все, больше не буду. Господа, я прошу прощения за задержку, но так как мне не удалось заполучить вас во время перерыва в их занятиях, то пришлось ждать окончания следующих.

В этот момент кронпринц сразу же вырос в глазах Алексея на две головы. Быть обремененным обязанностями, которыми все больше с каждым годом нагружал его отец, и вместе с тем оставаться просто любящим старшим братом... Это показатель. Очень хороший показатель. Если он все еще не растерял в себе человеческое и способен ради семьи порой отложить дела и в то же время вроде как не позволяет детям расслабиться, то это говорит о многом.

– Итак, мои дорогие, разрешите представить. Господин Коуба, владелец газеты «Плезненские ведомости», кстати, первой, которую вы начали читать. – Выразительный взгляд на подростков. – И господин Дворжак, тот самый писатель,

который осмелился нарушить ваш распорядок и книги которого вы читаете даже под одеялом, при помощи фонарей.

Но замечание по поводу нарушения распорядка дня парнишек ничуть не тронуло, а ведь именно к ним и относилось. Вряд ли девушке приходилось прибегать к подобным ухищрениям. Подростки во все глаза разглядывали такую диковинку, как «тот самый Дворжак», словно стараясь как можно четче запечатлеть его образ.

Хм... Что это? Да-а, прежде избытком внимания Болотин не был избалован. Вон как полыхнули щеки. Ну прямо рустинская красна девица. Лисель, почувствовав неловкость объекта внимания, отвела взгляд, а вот парнишки ничего не замечают, прямо пожирают глазами своего кумира.

– Моя сестра Лисель, младшие братья Алодж и Винк. Должен вас разочаровать, господин Дворжак, но Далибора ваша книга ничуть не заинтересовала, хотя он и пытался последовать примеру братьев, – между тем продолжал кронпринц, – но не отчаивайтесь, возможно, дело в том, что ему всего двенадцать.

– Боже упаси, ваше высочество.

– Вот и замечательно. А теперь уж простите, но я отдаю вас им на растерзание. Нет-нет, оставайтесь здесь, мне будет интересно понаблюдать, а там, глядишь, и сам чем-нибудь поинтересуюсь...

Беседа продлилась часа два. И если за это время принцесса задала всего пару вопросов, то принцы выстреливали во-

просы со скоростью пулемета. Он пока не был изобретен, но, глядя на этих ребят, можно было составить представление о его скорострельности.

Они еще не прочли «Таинственный остров», будучи знакомыми только с главами, напечатанными в газете, но уже жаждали узнать о планах писателя. Алексей хотел было сохранить тайну, но, когда увидел, что взгляд Лисель также полон любопытства, все же немного рассказал о новой работе под названием «Дети капитана Гургута». Разумеется, в общих чертах, что не раскрывало сюжета, а, напротив, разжигало интерес.

Для работы над этой книгой ему пришлось обратиться за консультацией к одному морскому офицеру, уже надежно пришвартованному к берегу. Тот многое порассказал, конечно, не бесплатно, но его жизненный опыт должен был оживить повествование. Пока были написаны только первые две главы, но работа, как всегда, шла усиленными темпами. И это несмотря на то, что приходилось много времени уделять изучению различных справочников и атласов.

В конце беседы состоялось вручение каждому из почитателей по экземпляру новой книги, еще не появившейся в продаже. Не обошлось и без автографов, а также обещания непременно лично доставлять первые экземпляры новых романов. К немалому удивлению Алексея, один из экземпляров пришлось подписать кронпринцу. Интересно, тот тоже увлекся новомодным писателем или сделал это лишь из со-

лидарности с братьями и сестрой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.